

Виктор Михайлов

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

Шпионы. Дело №...

Виктор Михайлов
Под чужим именем

«ВЕЧЕ»

1954, 1957

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

Михайлов В. С.

Под чужим именем / В. С. Михайлов — «ВЕЧЕ», 1954,
1957 — (Шпионы. Дело №...)

ISBN 978-5-4484-3832-5

В книгу вошли две остросюжетные повести «Под чужим именем» и «На критических углах» классика советского шпионского романа Виктора Семеновича Михайлова (1898–1973). В первой из них советские пограничники задержали нарушителя, перешедшего государственную границу с целью восстановить связь с глубоко законспирированным агентом. Контрразведчики пытаются вычислить врага, но тот начинает с ними собственную игру. Во второй – радиоразведка обнаружила сигналы работы вражеского передатчика. Противник сумел получить доступ к новейшей советской технике, информация о которой может сместить баланс в оружейной гонке холодной войны. Необходимо как можно быстрее разоблачить матерого шпиона и диверсанта...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-3832-5

© Михайлов В. С., 1954, 1957
© ВЕЧЕ, 1954, 1957

Содержание

Уважаемые читатели!	6
«Шпионы, которые не вернулись...»	7
Под чужим именем	10
1. Глубокой ночью	10
2. Незванный гость	12
3. Один путь	15
4. Фрэнк	17
5. Счастливчик	21
6. Сон в руку	23
7. Веточка сирени	24
8. Католическое благословение	26
9. Майор Никитин	28
10. Начальник ОСУ	30
11. Черта, сделанная ногтем	32
12. Длинные ногти	34
13. Кассир банка	37
14. Гипотеза	39
15. Две встречи	41
16. Опять следы	44
17. Заказная бандероль	45
18. Личная жизнь	47
19. Письмо к жене	51
20. Секретарь горкома	53
21. Выходной день	57
22. На мезонине	59
23. Ниточка тянется	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Виктор Михайлов

Под чужим именем

© Михайлов В. С., наследники, 2022

© Хлебников М. В., составление, предисловие, 2022

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2022

* * *

Уважаемые читатели!

Перед вами первая книга нашей новой серии «Шпионы. Дело №...», представляющей лучшие образцы советского шпионского романа. Расцвет этого жанра пришелся на 50-е годы прошлого века – эпоху глобального мирового противостояния. В этих книгах люди старшего поколения находили не только описания захватывающих приключений, интриг, многоходовых остросюжетных комбинаций, но и непереносимое ощущение идеального мира советского человека, на который покушаются темные внешние силы. Большинство книг, включенных в серию, представляют собой раритеты, практически неизвестные современному читателю. Они сопровождаются вступительными текстами, рассказывающими об авторах, истории создания и особенностях сюжета произведений. Сейчас само время делает их снова актуальными и нужными. Враг хитер и коварен, но будет обязательно разоблачен и обезврежен.

Ждем ваших замечаний и предложений по адресу: 129337, Москва, а/я 63. Издательство «Вече» или по электронной почте: kichin@veche.ru

От издательства

«Шпионы, которые не вернулись...»

Советский шпионский роман занимает особое место в отечественной жанровой литературе. Возникает он во второй половине 1940-х годов и соотносится со следующим после окончания Второй мировой войны этапом исторического противостояния, вечной «борьбы народов». О том времени сказано немало, но некоторые важные моменты ускользают от внимания профессиональных исследователей. Дело в том, что понять прошлое можно не только через специализированные монографии, но и с помощью культурных артефактов: кинофильмов, предметов живописи, литературных произведений. В этом отношении советский шпионский роман интересный и яркий свидетель эпохи.

Знаменитая фултонская речь Черчилля весной 1946 года являлась фактически объявлением войны Советскому Союзу, которая известна под названием «холодная война». Она привела к резкому размежеванию стран бывшей антигитлеровской коалиции, увидевших во вчерашних союзниках сегодняшних соперников: идеологических и геополитических. «Железный занавес» опустился тихо, без грохота оружейных залпов, но с последствиями не меньшими, чем при «классических» войнах. Советский Союз занимал в этой войне оборонительную позицию. Страна нуждалась в восстановлении и отдыхе. Даже создание социалистического блока из стран Восточной и Центральной Европы следует рассматривать не как экспансию, а как желание максимально отодвинуть нашу западную границу. Память о катастрофе лета 1941 года надолго поселилась в сознании как политического руководства страны, так и общества в целом.

Защитная реакция привела к идее автаркии – самодостаточного существования, сосредоточенности на решении внутренних проблем. Советский шпионский роман – один из ответов на эту потребность минимизировать контакты с внешним миром. С одной стороны, есть СССР-Космос – мир гармонии, красоты и порядка. С другой стороны, в наличии Запад-Хаос, единственная задача которого сводится к разрушению Космоса. Шпионы – агенты Хаоса – пересекая границу двух миров, не столько выполняют конкретно поставленное шпионское задание: выкрасть чертежи, взорвать мост, убить талантливого изобретателя, сколько самим фактом своего пребывания должны попытаться подорвать целостность Космоса. В этом отношении шпионский роман, в отличие от советской литературы 20–30-х годов прошлого столетия, отказывается от идеи экспансионизма, победного шествия мировой революции и выступает в качестве художественного обоснования модели добровольной изоляции, не только экономической или географической, но и духовной.

Интересно, что такая реакция шла изнутри, без явной поддержки со стороны партийного руководства. Это подтверждается несколькими фактами. Во-первых, «шпионские книги» печатались в не самых престижных издательствах и сериях. Наверное, к самой «именитой» серии можно отнести «Библиотечку военных приключений», выходившую в Воениздате с 1950 по 1962 год. Всего в серии опубликованы 56 книг, большая часть из которых относится к нашему жанру. Очень часто шпионские романы выходили в провинциальных, областных издательствах. Возьмём достаточно «урожайный» для шпионского романа 1957 год. Роман Михаила Костина «Корж идёт по следу» выходит в Горьковском книжном издательстве. В этом же году в львовском Книжно-журнальном издательстве печатается «Практика Сергея Рубцова» – первая часть дилогии Николая Далёкого. В Амурском книжном издательстве появляется «Синий тарантул» Георгия Ланина (псевдоним Георгия Пермякова).

Во-вторых, создателей шпионских романов обходили официальными наградами. К титулованным авторам можно отнести, пожалуй, только Александра Авдеенко – создателя «пограничной трилогии» («Над Тиссой», «Горная весна», «Дунайские ночи»). Он также прославился своими романами о жизни донбасских шахтёров и металлургов ещё в 1930-е годы, его книги хвалил Горький. Но перед войной Авдеенко подвергся опале, был исключён из Союза писа-

телей. Вернулся он в большую литературу в годы войны по личному распоряжению Сталина. Других формально «больших советских писателей» среди создателей шпионского романа не было.

Но, несмотря на внешнюю скромность, шпионские романы завоевали огромную популярность. Этому способствовали два фактора. Первый – названный мной подспудный запрос на создание идеального мира советского человека. Второй – они явные и понятные для читателя. Шпионские романы интересны и динамичны, захватывают и заставляют работать воображение. К тому же в них мы находим следы других жанров. Есть классические детективные расследования с дедуктивными цепочками умозаключений. В других шпионских историях находится место для сюжетных ходов, берущих начало в авантюрных романах XIX века (переодевания, погони, подземелья и даже братья-близнецы). Совершенно неожиданно возникает экзотический вариант советского вестерна («По следу» Валентина Иванова). Закономерно, что советского читателя, не избалованного развлекательной литературой, подобный коктейль бил наповал. Шпионские романы читали все: и взрослые, и дети, и образованная публика, и те, кто хотел просто отдохнуть с помощью книги. Читатели 70–80-х годов вспоминают, как им в руки случайно попадали потрепанные, иногда без каких-то страниц, томики шпионских романов. И снова срабатывала книжная магия. При всех оговорках лучшие образцы советской шпионской литературы представляют интерес и для наших современников. Некоторые анахронизмы и понятные идеологические пассажи придают книгам обаяние, в них передаётся «дух эпохи».

Первой в нашей серии выходит сборник повестей Виктора Семёновича Михайлова – писателя, долго и плодотворно работавшего в этом жанре. Очень часто авторы шпионских романов ограничивались одной книгой в силу причин, о которых я расскажу в последующих выпусках, но книги Михайлова относятся к лучшим образцам шпионской литературы. Жаль, что это относится не ко всему его наследию – что-то просто не выдержало проверку временем. Родился будущий писатель в 1898 году. К литературному творчеству Михайлов обратился достаточно поздно – в том возрасте, когда некоторые авторы уже завершают писательский путь. Этому есть веская причина. Многие годы автор проработал в разведывательных органах, накапливая материал, знание фактуры, нашедших косвенное отражение в его книгах.

Интересно, что путь в литературу Виктор Михайлов начал с драматургии. Им совместно с Львом Самойловым – ещё одним известным автором шпионских романов – написана драма «Тайная война». «Шпионский спектакль» был поставлен на сцене престижного Малого театра в 1954 году. Роль одного из контрразведчиков играет хорошо нам знакомый деревенский участковый Анискин – Михаил Жаров. Для народного артиста СССР это был не первый опыт работы в «шпионском жанре». Ещё в 1939 году он с успехом сыграл работника госбезопасности в фильме «Ошибка инженера Кочина».

В том же 1954 году в названной мною «Библиотечке военных приключений» вышла первая повесть Виктора Михайлова «Под чужим именем». Книга имела успех и была переиздана в 1956 году. В том же году «Библиотечка...» пополнилась романом Михайлова «Бумеранг не возвращается» и, наконец, в 1957 году условная трилогия завершается повестью «На критических углах». Как видим, впечатляющая писательская скорость. Из трёх ранних вещей Михайлова мы отобрали для первой книги серии две повести: первую и третью. «Бумеранг...» им несколько уступает, он более плакатен, зарисовки из «американской жизни», мягко говоря, карикатурны. Не все ладно и с интригой, которая явно «провисает». «Под чужим именем» и «На критических углах» лишены этих недостатков.

Первую повесть можно отнести к образцу советского триллера. Достаточно быстро становится понятным, кто стоит за проблемами на строительстве подмосковного военного объекта. Но враг не сдаётся. Хитроумно играя на слабостях и недостатках окружающих, он наносит ответный удар. Совершенно неожиданно майор Никитин, ведущий расследование, из преследователя превращается в жертву. Во второй повести интрига носит классический детективный

характер. Неподалёку от военного аэродрома засечена работа вражеского радиопередатчика. Агент, по всей вероятности, имеет прямое отношение к авиаполку. Его приходится «вычислять», используя сыщицкие приёмы. Под подозрение попадают сразу несколько персонажей. Появляются улики, выстраиваются версии, которые проверяются и опровергаются. Колоритны портреты советских лётчиков и военных техников. Наблюдательный читатель может отметить необычную деталь. Расследование в «Критических углах» ведёт замполит авиаполка, майор Комов. Странное обстоятельство связано с тем, что «дело Берии» привело к ослаблению влияния Министерства государственной безопасности. На чекистов попытались целиком переложить ответственность за репрессии 1930-х годов. Можно предположить, что Михайлов решил подстраховаться, перепоручив функции расследованию представителю партийных органов.

Надеемся, что первая книга серии заинтересует современного читателя. Не будем строить умозрительные схемы, но отметим внутреннюю переключку нашего времени с эпохой расцвета советского шпионского романа. По всей видимости, уже сегодняшнему российскому обществу придётся искать свои рецепты противостояния с нашими вечными геополитическими соперниками. Как и семьдесят лет тому назад, большую роль в борьбе будет играть литература. Есть основания полагать, что книги из прошлого обретут «второе дыхание» и помогут нам в настоящем.

М. В. Хлебников, канд. философских наук

Под чужим именем

1. Глубокой ночью

Празднично убранная, сверкающая огнями иллюминаций Москва уgomонилась, затихла, на Спасской башне Кремля куранты пробили четыре. Полковник Каширин сверил свои ручные часы, встал и окинул взглядом письменный стол. Ничего не было забыто, все документы уложены в сейф, только бронзовый бюст Дзержинского отражался в прямоугольнике стекла.

Открыв портьеру и распахнув окно, полковник жадно вдохнул предутреннюю свежесть весеннего воздуха. Небо было еще непроницаемо темным, но на востоке уже посветлела тонкая гряда облаков.

Над двумя раковинами входа в метро красным, чуть дрожащим неоновым светом горела буква «М». Над небольшой аллеей молодых кленов, точно башня средневекового замка, громоздилась крыша центральной аптеки. Правее Иван Федоров – первопечатник сосредоточенно склонился над первым оттиском книги. В глубине улицы освещенное праздничными гирляндами электрических ламп высилось огромное здание Совета министров.

А над каменной громадой домов горели немеркнущим светом рубиновые звезды Кремля.

Далеко на юго-западе, за тысячу километров от столицы, на невысоком холме подле речки Сплячи высится заброшенная ветряная мельница. Время пощадило фундамент, сложенный из крупного известняка, но стены ее покосились и осели, сломанное крыло ветряка беспомощно сникло, как у подбитой птицы.

Тихо, безветренно в этот предутренний час. Спит река, дремлют белые венчики кувшинок, молчит и осока, говорливая на ветру. В редких просветах облачности едва видны золотые россыпи звезд.

Кажется, что старая мельница давно заброшена, но это впечатление обманчиво. Здесь, на этой мельнице, притаился пост воздушного наблюдения пограничной заставы. Над высоким коньком крыши медленно поворачивается гигантская чаша антенны: на юг, на запад, на северо-запад и снова на юг смотрит ее внимательный, настороженный глаз.

Оператор, старший сержант, просматривает воздух. Светится бледно-зеленым призрачным светом экран электронного осциллографа. На экране мелькают отражения знакомых предметов местности, сотни хаотических нагромождений – электрических помех, непрерывно возникающих и мгновенно исчезающих световых импульсов. То, что с первого взгляда кажется беспорядочными световыми вспышками, уверенно и быстро читает оператор.

Здесь же поблизости – рация. Сверхсрочник-сержант прослушивает эфир. Красноватый свет сигнальной лампы озаряет его лицо, прядь светлых волос и большой, выпуклый лоб.

Подле мельницы, в тени накренившегося крыла ветряка, стоит часовой и зорко смотрит вниз, на расстилающуюся перед ним сонную реку и дальше на равнину, уходящую далеко-далеко к черной полосе едва видимых на горизонте лесов.

Ущербленный лик луны, внезапно выглянувшей в просвете туч, заливает теплым светом молодые всходы кукурузных полей; он дрожит и переливается на реке.

Но вот на экране возникает небольшая черточка. Оператор удваивает внимание, регулирует яркость, меняет фокусировку, усиление, доворачивает антенну на юго-запад, и, постепенно очищаясь от пелены помех, все заметнее становится импульс отражения от самолета. Цель обнаружена, но рядом с импульсом нет кодированного сигнала-ответа: «Я свой»...

Это след приближающегося врага.

– Азимут 274... Дальность 162... Высота 2700... – быстро определяет второй номер координаты чужого самолета.

А радист вызывает главный пост наблюдения:

– Ромашка!.. Ромашка!.. Я тюльпан!.. – тихо и настороженно бросает сержант.

Полковник Каширин закрыл окно и задернул портьеру. Затянувшийся рабочий день кончился, и можно отправляться домой. Но раздался телефонный звонок. Пришлось взять трубку:

– Полковник Каширин слушает... Да, товарищ генерал, собираюсь домой... Даю слово – сейчас выйду. Я пешком, надо пройтись перед сном... До свидания.

Полковник положил трубку. Он еще раз окинул взглядом кабинет и выключил настольную лампу. Вдруг в дверь постучали.

– Войдите, – сказал он и вновь включил свет.

Вошел капитан с папкой.

– Что-нибудь срочное? – спросил полковник.

– Весьма. Разрешите доложить?

– Докладывайте, – ответил полковник и сел в кресло.

Капитан Гаев, сухой, с крупными чертами лица, кареглазый, чисто выбритый, выглядел свежо и молодо. Заметив тщательно скрываемое полковником утомление, Гаев стал докладывать быстро и сжато:

– В четыре часа двенадцать минут получена радиограмма:

«В районе Садовяну, квадрат Д-75, с юго-западного направления появился двухмоторный самолет без опознавательных знаков. Вероятное направление – северо-восток».

Гаев положил на стол полковника радиограмму.

Каширин еще раз прочел донесение, потер подбородок большим пальцем, что всегда служило у него признаком глубокого раздумья, и сказал:

– Держите меня в курсе, я буду у себя или у генерал-майора.

После ухода капитана Гаева полковник набрал номер телефона:

– Товарищ генерал, это опять я, Каширин. Обстоятельства изменились, прошу принять, срочное дело.

2. Незванный гость

Самолет, накренившись на правое крыло, сделал разворот и вышел из облачности. В ту же минуту по координатам КПН вышли из засады три автомашины и на большой скорости с погашенными фарами помчались по широкой ленте гравийного шоссе. Спидометр показывал восемьдесят километров.

Машины резко свернули на проселочную дорогу, скорость пришлось сбавить.

Самолет, сделав крутой вираж над фруктовым садом колхоза «Новый путь», выровнялся, и от его длинного, хищного тела отделилась одна темная точка, затем другая. Самолет стал набирать высоту и, нырнув в облака, исчез в юго-западном направлении. Замедлив падение, под двумя куполами парашютов плавно приближались к земле человек и небольшой черный прямоугольник.

Оставив автомашины в тени колхозного амбара, пограничники развернутой цепью быстро шли вперед, охватывая ровным полукругом большой яблоневый сад.

Развалившись на соломе в мягкой плетеной кошевке, напевая себе под нос песню, ехал Захар Полещук, старший конюх колхоза «Червоный сноп». Низкорослый каурый конь, прядая ушами, бежал неторопливой, мелкой рысью.

Дорога через фруктовый сад была ровная, и Полещук начал подремывать, но вдруг конь испуганно шарахнулся в сторону и остановился. Ломая сучья деревьев, большой черный прямоугольник упал в саду.

Успокоив коня, Полещук привстал в кошевке и осмотрелся. С той стороны, где упал черный предмет, раздался такой звук, точно открыли бутылку старого вина, и невысоко, над самыми кронами деревьев, вспыхнул зеленый огонек ракеты и тотчас погас.

– Що за диковина, – подумал Полещук, – здається спиртного и в роти нэ було, а такое мерещиться!..

Он прислушался: где-то далеко заурчали автомашины и затихли. Опять раздался хлопок, и вновь над вершинами яблонь вспыхнула зеленая звездочка.

Полещук вылез из кошевки и, крадучись, будто на охоте, пошел в сторону диковины. Шагах в двадцати от дороги он увидел прямоугольный ящик, зашитый в черный брезент, а на ящичке в самой середине небольшую черную трубку, из которой через равные интервалы в две-три минуты вылетала зеленая ракета.

В этом же направлении, часто останавливаясь и прислушиваясь, шел человек. В правой руке его был пистолет. Увидев невдалеке вспышку ракеты, неизвестный ускорил шаги и вышел на дорогу. Здесь конь с упряжкой привлек его внимание. Человек бегло осмотрел тележку, перебежал дорогу и еще осторожнее пошел дальше. Вскоре он оказался за спиной Полещука. Внимательно рассмотрев колхозника, неизвестный положил пистолет в карман и решительно двинулся вперед.

– Здорово! – сказал он, – что это за штуковина?

– А бис його знае, можэ чортив гостинець! Я зараз до головы злитаю! – И вдруг спохватившись, спросил сам: – А вы хто такой будэте?

– Я агроном-садовод.

– З «Нового шляху»?

– Точно.

– Щось я такого не бачив...

– Третий день, как из Киева. А ты откуда?

– Из «Червоного снопа» старший конюх Захар Полещук. Може, чулы?

– Нет, не слыхал. На дороге лошадь твоя?

– Моя. Привозыв вашего коровьячего ликаря Дэниса Григоровича. У нас Сильва – рекордсманка захворила. Нам за нее ваш голова двенадцать тысяч дае! Ну щож мы з циею штукою робыты будэмо?

– Надо разбудить председателя, пусть сообщит на заставу.

– Поихалы, – согласился Полещук и повернул к дороге. В этот момент неизвестный рукояткой пистолета нанес ему тяжелый удар в затылок. Колхозник упал, а неизвестный обшарил его карманы, нашел удостоверение и, сунув его к себе в карман, прислушался.

Было тихо. Легкий ветерок то поднимался, то вновь затихал. Серенькая славка, прыгая с ветки на ветку, издала несколько чистых переливчатых трелей и замолчала. Далеко, в стороне колхозных домов раздался первый крик петуха, ему ответил другой, где-то залаяла собака и умолкла.

Приблизившись к тюку и еще раз оглядевшись по сторонам, неизвестный сунул пистолет в карман, вынул нож и разрезал брезент.

В тюке оказались два чемодана, рюкзак, саперная лопата. Быстро вскопав землю подле дерева, где почва была рыхлой и легко поддавалась лопате, он сунул в яму парашюты, холст от тюка, авторакетницу и лопату, сгреб руками землю, утоптал ее, надел рюкзак и, взяв чемоданы, бросился к дороге.

Лошадь стояла на прежнем месте. Неизвестный бросил чемоданы и мешок на дно кошевки, прикрыл их соломой, вынул удостоверение Полещука, посмотрел его, прыгнул в кошевку и хлестнул вожжами коня. Каурый, видимо, не привыкший к такому обращению, заржал, вскинул задними ногами и пошел крупной рысью.

Через сотню метров дорога круто сворачивала вправо. Когда тележка выехала на прямую, ее остановила цепь пограничников.

– Будь здоров, товарищ! – сказал, подходя к кошевке, старший сержант внушительного роста, с двумя медалями солдатской славы на широкой, богатырской груди. – Куда и откуда?!

– Старший конюх Захар Полещук из колхоза «Червоный сноп». Отвозил ветеринара в «Новый путь».

– Добро. Документ есть?

– Как же, без документов не ездим!

Посмотрев удостоверение, старший сержант вернул его, зачем-то обошел кругом упряжки, похлопал коня по спине и похвалил:

– Хороша кобыла! Жеребая?

– Нет, зимой жеребилась.

– Так. Приедешь, передай председателю, Грицко Вечоре, что, мол, старший сержант Башлыков велел кланяться, понял?

– Понял.

– Да ты повтори, как по уставу положено!

– Передать председателю Грицко Вечоре поклон от старшего сержанта Башлыкова! – повторил неизвестный.

– Теперь – вылазь, гадина! – угрожающе сказал Башлыков, направляя на него автомат. Выхватив пистолет, неизвестный натянул поводья и дал выстрел, но в это время каурый дернул и пуля прошла поверху. Напуганный конь взял с хода наметом, но автоматная очередь настигла его и он, жалобно заржав, повалился на передние ноги.

Неизвестный выпрыгнул из кошевки и, отстреливаясь, бросился в заросли смородины. Однако уже через несколько минут пограничники обошли его со стороны сада и короткими очередями из автомата заставили отступить на дорогу. Здесь он попал прямо на Башлыкова.

Сопротивляться было бесполезно. Тяжело дыша, озираясь по сторонам, точно затравленный зверь, он поднял руки вверх.

Башлыков отобрал у задержанного пистолет и обыскал его. В боковом кармане старший сержант обнаружил, кроме удостоверения, паспорт и большую пачку денег.

– Разрешите доложить? – обратился старший сержант к подошедшему капитану.

– Докладывайте!

– Парашютист, сброшенный с самолета, задержан, при нем обнаружены: удостоверение колхоза «Червоный сноп» на имя Захара Дмитриевича Полещука, паспорт на имя Рубцова Ивана Григорьевича, пистолет скорострельный и одна пачка денег.

– Осмотреть тележку!

– Есть осмотреть тележку! – уже на ходу ответил Башлыков и бросился выполнять приказание. Когда он вытаскивал чемоданы и вещевой мешок из кошевки, молодой боец спросил его:

– Как же вы, товарищ старший сержант, распознали гада?

– Как?! – усмехнулся Башлыков. – Какой конюх позволит такое, чтобы старый мерин оказался кобылой, да еще жеребой?! Ну я вижу, что он мерина от кобылы отличить не может, и пускаю ему второго шара: поклон, говорю, передай председателю Грицко Вечоре, а в «Червоном снопе» председатель Иван Зеньковец, депутат, человек известный!

– А кто же Грицко Вечора?

– Песня есть такая, душевная: «Ой не ходи, Грицю, тай на вечерницю». Вот тебе и Грицко Вечора. Пошли, солдат! – закончил Башлыков, захватив два чемодана и вещевой мешок.

А над садами вставало утро: и птичий гомон, и нежный яблоневый цвет, и капельки росы, сверкавшие в первых лучах солнца, – все, все утверждало осязательную радость жизни.

3. Один путь

Несмотря на краткий сон, полковник Каширин чувствовал себя бодрым и свежим. Он принял холодный душ и побрился. Звонок из следственной части привел его в отличное расположение духа. Каширин сунул в карман пачку сигарет и, взяв свежий номер журнала, вышел из кабинета.

Подполковник Зубов уже ждал его. Это был сорокалетний, полный, невысокого роста мужчина; редкие темные волосы едва закрывали проглядывавшую лысину. Озорные карие глаза, крупный курносый нос и ямочки на щеках делали лицо его добродушным и удивительно простым.

– Ну что ж, товарищ полковник, – сказал он, когда Каширин вошел в кабинет, – послушаем песню «варяжского гостя»?

– Послушаем, – согласился полковник. Он сел в глубокое кресло, стоящее в тени портьеры, и закурил сигарету.

Зубов нажал кнопку звонка, с лица его сбегало выражение добродушия: он стал строг и подтянут.

– Введите Рубцова! – коротко сказал Зубов вошедшему лейтенанту и, вынув из стола папку с документами, стал их просматривать.

Лейтенант, четко повернувшись, вышел, и минут через пять в кабинет ввели Рубцова. Он остановился в дверях, переминаясь с ноги на ногу, то и дело вытирая уже несвежим платком набегающий на лоб пот, то поднимая глаза и осторожно оглядывая обстановку кабинета, то вновь опуская их вниз, к полу.

– Ваша фамилия, имя, отчество? – не отрываясь от просмотра документов, спросил подполковник.

– Рубцов, Иван Григорьевич.

– При встрече с пограничниками вы назвали себя Полещуком Захаром.

Рубцов молчал.

– Ну? Что вы, язык проглотили? Отвечайте: вы Полещук Захар Дмитриевич или Рубцов Иван Григорьевич?

– Рубцов Иван Григорьевич.

– А где вы взяли удостоверение на имя Захара Дмитриевича Полещука, старшего конюха колхоза «Червоний сноп»?

– Нашел... на дороге...

– А Полещук говорит, что вы чем-то тяжелым нанесли ему удар в затылок, он потерял сознание и вы похитили у него документ. Так это или не так?

– Не так...

– А как?

– Я никакого конюха Полещука не знаю! В глаза не видел!!

– Вы его не видели, а он вас видел? Так, что ли?

– И он меня не видел...

– Однако он вас описывает довольно точно, – достав из папки протокол, подполковник Зубов прочел: *«Костюм серый, рост средний, волосы курчавые, глаза маленькие. С тобой говорит, а на тебя не смотрит, нос курносый...»* Портрет, а?! Что скажете?

– Ничего не скажу...

– Чемоданы и вещевой мешок, обнаруженные в тележке, принадлежат вам?

– Какие там чемоданы?! Ничего у меня не было!

– Ну, а эти деньги тоже не ваши? – спросил подполковник, положив на стол пачку денег.

– Деньги эти мои.

– Деньги фальшивые. В чемодане было таких денег еще на тридцать тысяч, та же серия и номера по порядку. Я вас спрашиваю в последний раз: ваша фамилия?

– Рубцов Иван Григорьевич.

– Год и место рождения?

– Родился в 1919 году 10 октября в Мелитополе.

– Это все по паспорту?

– Да... по паспорту...

– Плохо сделан. Кустарно.

– Что? – переспросил Рубцов.

– Паспорт, говорю, плохо сделан. Национальность?

– Русский.

– Был русский.

– Нет, почему, я русский.

– Я говорю, был, а не русский! Какой же вы русский, если прибыли ночью из чужой страны на чужом самолете с ядом в одной руке и взрывчаткой в другой. Садитесь, «русский», да не туда, вот здесь, поближе.

Рубцов подошел к столу и сел на край жесткого кресла.

– Вы будете говорить правду? – прямо и неожиданно просто спросил подполковник.

– Нет, – хрипло выдал из себя Рубцов.

– Почему?

– А зачем? Все равно... – добавил Рубцов и безнадежно махнул рукой.

– Ну вот что, Рубцов Иван Григорьевич, слушайте меня внимательно. Вы пойманы с поличным, при вас обнаружено: рация, с которой предусмотрительно снята фабричная марка, киноплёнка большой чувствительности, приспособления для тайнописи, значительное количество взрывчатки, взрывателей и сильно действующие яды; всего этого совершенно достаточно для того, чтобы применить к вам Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 года, расстрелять вас, как изменника Родине, шпиона и диверсанта. Если вы хотите, чтобы вам заменили позорную смерть заключением, есть только один путь.

– Какой?

– Путь правды. Рассказать всю правду.

– Разрешите я... подумаю?... – нерешительно спросил Рубцов.

– Думайте.

– Нет ли у вас папиросы? – умоляюще попросил он.

Вынув из стола коробку папирос, подполковник дал ему закурить и, встав с кресла, через плечо Каширина стал просматривать журнал.

Прошло несколько тяжелых и томительных минут, Рубцов докурил папиросу и сказал:

– Я буду говорить. Что вас интересует?

Подполковник не торопясь сел в кресло, еще раз перелистал паспорт, сложил его, внимательно разглядывая Рубцова, и сказал:

– Ваша настоящая биография, как вы попали за границу, кем, когда и где были завербованы, какую и где прошли подготовку, кем и при каких обстоятельствах были переброшены через границу, какое конкретное задание вы получили?

– Я только прошу, если можно, парочку папирос.

– Вот вам папиросы, спички и пепельница. – Подполковник Зубов все это положил перед Рубцовым.

Рубцов закурил, жадно затянулся, закашлялся и, сев в кресло, спросил:

– Можно говорить?

– Говорите, но помните, только правду, – ответил подполковник.

4. Фрэнк

Он говорил, сильно волнуясь, прикуривая одну папиросу от другой. Его звонкий голос иногда неожиданно срывался. В таких случаях он делал несколько глубоких затяжек, и наступала напряженная пауза.

– Когда я сейчас оглядываюсь назад, юность моя встает предо мною, точно счастливый, но краткий сон. Я был человеком, и у меня была мать и в дни стужи, встав ночью, она заботливо укрывала меня поверх одеяла своим пальто... И девушку я любил, и девушка любила меня. И были друзья, веселые встречи, комсомол... У меня было будущее...

Допрашиваемый помолчал, откашлялся и продолжал:

– Я родился в Барнауле. Отец мой умер, когда мне было четыре года, воспитывала меня мать. Фамилия моя Клюев, зовут меня – Григорий Иванович, вчера мне исполнилось тридцать два года. Кончив десятилетку в Барнауле, я поступил в Московский государственный экономический институт. В сорок первом году, в сентябре, когда положение на фронтах было особенно тяжелым, меня с четвертого курса института призвали в армию. Через шесть месяцев, кончив курсы «Выстрел», я принял роту двадцать седьмого стрелкового полка. До одиннадцатого сентября сорок второго года боевое счастье шло со мной в ногу. Десятого сентября мы вели уличные бои в Новороссийске. Правый берег Цемесской бухты прикрывал нас артогнем. Наше сопротивление ставило под удар всю группу войск противника на Таманском полуострове. Гитлеровцы не считались с потерями, захватили город, а я... я, сильно контуженный, в бессознательном состоянии попал в плен и оказался в лагере для военнопленных близ Мюнхена, на окраине Вертархофе. Я долго болел, но больных и физически неполноценных гитлеровцы уничтожали. Преодолевая сильную слабость, я выходил на работу. Работал на пивоваренном заводе истопником. Дважды с товарищами пытался бежать из плена, но... после первого побега я лежал четыре месяца на животе и харкал кровью, после второго... Не стоит об этом говорить.

Опустив голову на руки, он некоторое время сидел молча, затем взял папиросу, закурил и, все более волнуясь, продолжал:

– Десятого мая сорок пятого года мы все военнопленные – русские, французы и англичане, – пьяные от счастья и радости, пришли в Мюнхен. Комендант города майор Джон Тэрнер приказал выдать нам сухой паек и предложил вернуться в лагерь, так как для нашей репатриации еще ничего не было готово. После того как мы вернулись в лагерь под Вертархофе, через три дня пришли американцы и поставили вооруженную охрану. Вместо Эрнста Хотцера комендантом лагеря стал Дональд Бэрд, во всем остальном положение не изменилось. Через три месяца отделили всех военнопленных англичан и вывезли из лагеря на грузовиках, еще через месяц – всех французов. Мы требовали репатриации, устраивали митинги протеста, наконец объявили голодовку. Тогда приехал майор Тэрнер и успокоил нас: ведутся переговоры с представителем советских оккупационных войск, нужно терпение. Но как раз терпения у нас и не хватало.

Так в тоске и ожидании прошел сорок пятый год. Новый год не принес ничего нового, только в лагерь все чаще и чаще начали проникать итальянские монахи и англо-американские миссионеры, какие-то непонятные личности с продуктовыми посылками, костюмами, бельем, всякими дарами Ватикана, вроде ладанки с кусочком креста Господнего. Эти господа вели вкрадчивые разговоры о том, что репатриация на родину равносильна новому плену и даже тюрьме. Были у нас три человека: Астахов, Гудим и Симченко. Они больше всех добивались репатриации, выступали на митингах, писали гневные протесты и ссорились с комендантом лагеря капитаном Бэрдом. Этих трех человек первыми репатриировали на родину. Когда мы протестовали против отбора для репатриации, комендант лагеря многозначительно сказал: «Они очень стремились домной, посмотрим, как их примут в России!!»

Двадцать восьмого мая сорок шестого года объявили, что нас отправляют в Мюнхен, где мы все будем переданы представителю советских оккупационных войск в Германии. Второго июня нас действительно перевели в Мюнхен и расквартировали в казарме бывшего эсэсовского полка «Зигфрид». Пятнадцатого июня нас выстроили на плацу в ожидании советского представителя. Мы долго ждали его, но... советский представитель не приехал. Эта комедия повторялась несколько раз, разочаровывая людей, убивая в них последнюю надежду. Как-то в конце июня нам роздали огурцы, завернутые в кульки из старых газет. Некоторые из них были свернуты из одного номера советской газеты. На этих обрывках мы прочли: «Решением Коллегии Военного суда Астахов, Гудим и Симченко за добровольную сдачу в плен приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение». Такая новость сильно возбудила весь лагерь – мы знали этих людей, знали, что их плен не был добровольным, и каждый из нас стал опасаться за свою судьбу. Позже я узнал, что Гудим, Астахов и Симченко были провокаторами, а вся история с газетой – ловкий трюк, рассчитанный на нашу доверчивость.

Однажды, когда под палящим зноем горячего баварского солнца мы стояли на плацу в бесплодном ожидании, перед нами появился сам Джон Тэрнер и с ним истощенный, оборванный человек. Через переводчика майор Тэрнер обратился к нам с такой речью: «Сегодня я должен передать вас представителю советских оккупационных войск. На грузовиках вас доставят в Хемниц, но... я представитель страны, где свято чтут демократию и свободу. Поэтому из гуманных соображений прошу вас выслушать вашего соотечественника, который бежал из советской зоны оккупации».

Человек, названный нашим соотечественником, говорил о том, что будто бы неделю тому назад он с группой военнопленных был передан в Нюрнберге советскому представителю и под усиленной охраной русских направлен в Эрланген. По дороге, разговорившись с одним солдатом, он узнал, что всех репатриированных отправляют не по месту жительства, а в концентрационные лагеря северной Сибири, где они работают в ужасных условиях на лесоразработках. Когда они прибыли в Хемниц, на каждого из них надели тяжелые наручники и посадили в усиленно охраняемые товарные вагоны. В эту же ночь он и с ним еще несколько человек разобрали в вагоне пол и во время короткой стоянки бежали, а потом с трудом добрались до Нюрнберга. Узнав о том, что в Хемниц отправляется новая большая партия репатриированных, он счел своим долгом нас предупредить. Кто-то из наших рядов крикнул: «Не верьте, товарищи, это провокация!» В моей голове пронеслись события четырех последних лет плена, лагерей, пыток и издевательств, расстрела трех наших товарищей, и я с ужасом подумал о том, что ожидает меня в России. Подошли грузовики, и, когда майор Тэрнер предложил всем тем, кто желает вернуться в Советский Союз, сделать десять шагов вперед, огромное большинство вышло вперед. А я... остался и со мной еще человек семь.

Нас посадили в автобус и быстро увезли. Если до этого рокового дня, пятнадцатого июня, я был насильственно лишен Родины, то теперь, позже я это понял, я сам по своей вине ступил на путь человека, навсегда потерявшего Родину.

Клюев судорожным движением смял в кулаке окурочек папиросы и расстегнул узкий ворот рубахи. Выпив залпом стакан воды, он продолжал:

– Нас привезли в южный курортный город Бад-Киссенген. Здесь мы пользовались некоторой свободой и жили в одном из богатых загородных домов фон Тиссена. Нам показывали американские картины, поили вином и даже... ну это не важно. Так мы прожили несколько месяцев. Нас часто посещали американцы, живущие в отеле «Кургауз», беседовали с нами, рассказывая о чудесах американской жизни. В период жизни в Бад-Киссенгене один итальянец, бог знает как попавший в нашу среду, Антонио Конти, настойчиво добивался моей дружбы. Я был одинок и растерян, это нас сблизило. В начале сорок седьмого года конгресс в Вашингтоне одобрил законопроект, разрешающий въезд в Америку значительного числа «перемещенных лиц», «индивидуальных союзников», как их называл Трумэн. Так в начале сорок седьмого

года я оказался в Америке, в штате Мэриленд, недалеко от города Балтимор, на благоустроенной ферме «Денис» в качестве рабочего. По воскресеньям я и мой приятель отправлялись в Балтимор; у Антонио Конти всегда были деньги. Он говорил мне, что богатые родственники, живущие в Ливорно, его регулярно поддерживают. Денежные переводы я видел собственными глазами, но писем Антонио никогда не получал.

Однажды мистер Грэсби, управляющий фермы, послал меня в Балтимор уплатить две тысячи долларов по страховому полису. Почему его выбор пал на меня и зачем нужно было пересылать в Балтимор наличные деньги? Эти вопросы, к сожалению, я задал себе слишком поздно, а тогда, польщенный доверием Грэсби, вместе с Антонио отправился в город выполнять возложенное на меня поручение. В Балтиморе мы зашли подкрепиться с дороги, а через час уже мертвецки пьяные валялись в номере гостиницы. Когда я пришел в себя, был уже вечер. Я спохватился и пощупал карман, но денег не было. Бросился к спавшему Антонио и не мог разбудить его. Две тысячи долларов, доверенные мне мистером Грэсби, исчезли. Меня судили в Балтиморе. В течение месяца я должен был вернуть эти деньги или мне грозило три года тюрьмы. Перспектива тюремного заключения приводила меня в отчаяние, но Антонио Конти сказал мне, что он нашел выход из положения: я должен только написать безобидную географическую статью об Алтайском крае, который хорошо знал. За эту работу можно будет получить так необходимые мне две тысячи долларов.

Утром мы оказались в Балтиморе у небольшого особняка за высоким забором. Медная дощечка на двери извещала, что здесь «Мэрилендское географическое общество». Нас принял очень вежливый человек с внешностью ученого, а через час я выходил с контрактом и тысячей долларами в кармане. Через две недели по контракту с Мэрилендским географическим обществом я сдал рукопись: «Географический и экономический очерк Алтайского края». Рукопись была принята, и я получил остальную тысячу долларов.

Примерно еще через неделю меня снова письмом пригласили в Географическое общество. Когда я вошел в кабинет, навстречу мне поднялся совершенно незнакомый человек и назвал себя Джемсом Брайтом. Он показал мне свои документы сотрудника Центрального разведывательного управления (Сентрал интеллидженс эдженси), кратко именуемого Си-Ай-Эн. Когда я выразил недоумение и заявил, что никакого отношения к этой организации не имею, Брайт рассмеялся и сказал: «Сведения о Туркестано-Сибирской железной дороге, промышленности и рудных ископаемых Алтайского края носят характер как раз тех сведений, которые интересуют Си-Ай-Эн, а полученные вами здесь деньги уже прочно связали вас с нашей организацией». Затем он показал мне фотокопии расписок и отдельные выдержки из моей рукописи. Все это означало, что я с этого дня стал постоянным сотрудником Си-Ай-Эн и получил кличку «Фрэнк».

Через неделю меня перевезли вверх по реке Гудзон, на глухую ферму «Рид фарм», расположенную в лесу недалеко от города Соффрен. Здесь в числе еще пяти человек, совершенно изолированных друг от друга, я изучал двустороннюю радиосвязь, микрофотографию и тайнопись. Здесь же я позже встретил Астахова, Гудима и Симченко. Они были завербованы немецкой разведкой еще в лагере, а позже использованы американцами. Смеясь над моей доверчивостью, они вспоминали историю с газетной провокацией по поводу их расстрела. В пятьдесят первом году меня...

– Какова дальнейшая судьба этих предателей? – спросил подполковник Зубов.

– Не знаю, я их потерял из виду, но думаю, что их ждет такая же судьба, как меня, – ответил с горькой усмешкой Ключев.

– Продолжайте.

– В пятьдесят первом году меня на самолете перебросили в Западную Германию, где на бывшей даче Гитлера, вблизи города Берхтесгадена, под общим руководством полковника Смита я проходил обучение по диверсии и вредительству. Францисканский монах Доменико

Биджаретти обучил меня коду внешней связи. Пятнадцатого апреля этого года я был переброшен на самолете в Мюнхен, где перед вылетом получил задание добраться до Москвы, через Мосгорсправку дать объявление: «Продается старинный зеркальный шифоньер красного дерева» – и указать адрес до востребования любого почтового отделения; человеку, который отзовется на это объявление, агенту Си-Ай-Эн, я должен всецело подчиниться, передав все, что мною доставлено на самолете из Мюнхена. Остальное вы знаете.

Клюев замолчал и откинулся на спинку кресла.

Полковник, нажав кнопку звонка, сказал:

– Нам придется вернуться к отдельным деталям вашей биографии, но на сегодня довольно.

Лейтенант пропустил в дверь Клюева-Рубцова и вышел за ним.

5. Счастливчик

Кузьма Тимофеевич Иншаков появился в Москве в сорок втором году. Несмотря на свои пятьдесят с лишним лет, он пленил сердце вдовствующей продавщицы магазина и женился на ней, получив в приданое отличную комнату в одной из квартир дома в Криво-Арбатском переулке.

В прошлом Иншаков был столяр-краснодеревщик, а в настоящее время пенсионер по старости и вдовец с пятилетним стажем.

Занимался Кузьма Тимофеевич подыскиванием старинной мебели, подбирал ее в гарнитуры, реставрировал и сбывал по высокой цене, наживая на рубль – десять.

В квартире звали, что Иншаков покупает мебель, но считали это чудачеством и человеческой слабостью к старинным вещам. Кроме того, был Кузьма Тимофеевич «счастливым человеком» – всегда при деньгах. Объяснялось это тем, что почти в каждом тираже займа он выигрывал тысячу, две, а то и пять. Соседи говорили, что он родился в «сорочке», и звали его «счастливчиком».

Сегодня обычный обход комиссионных магазинов не дал желаемых результатов, но, прочитав в витрине объявление Мосгорсправки о том, что продается старинный шифоньер красного дерева, Кузьма Тимофеевич воспрянул духом.

Дело в том, что старинный туалет с венецианским зеркалом, пуфик к нему, кресло и кровать красного дерева он подобрал давно, а вот шифоньера не было. Редкая вещь – шифоньер из красного дерева, да еще старинной работы.

Вернувшись домой, Кузьма Тимофеевич выпил стаканчик портвейна, отчего склеротический нос его стал малиновым, а маленькие глазки влажными, и, сев за столик, написал:

«Местное. 31-е п/о

До востребования

И. Г. РУБЦОВУ

Уважаемый товарищ!

Вы опубликовали в Мосгорсправке объявление о продаже старинного шифоньера красного дерева. Меня интересует старинная мебель, поэтому прошу Вас позвонить мне с 9 до 11 или с 21 до 23 часов, сообщив, где и когда я могу посмотреть вышеуказанный шифоньер.

Спросить Кузьму Тимофеевича.

Уважающий Вас

Иншаков».

Написав ответный адрес и номер своего телефона, Кузьма Тимофеевич запечатал конверт.

Утром, когда полковник Каширин вошел в кабинет, капитан Гаев уже ждал его. Полковник сел в кресло, закурил сигарету и выжидательно посмотрел на капитана.

– Товарищ полковник, в Москве оказалось много любителей старинной мебели. На имя Рубцова 31-м почтовым отделением получено за вчерашний день двадцать семь писем.

– Что-нибудь есть интересное? – спросил полковник.

– Пожалуй, только одно письмо, вот это, – сказал капитан и положил письмо на стол перед полковником. – Иншаков Кузьма Тимофеевич, – продолжал капитан, – родился в 1891 году, уроженец г. Ростова-на-Дону, при приближении линии фронта к Северному Кавказу выехал в Москву к сестре Елене Тимофеевне, затем женился на вдове Екатерине Андреевне Шулеповой, унаследовал ее комнату в Криво-Арбатском переулке, получает пенсию, занимается спекуляцией старинной мебелью, связан с продавцами магазинов. Чревоугодник и пьяница, завсегда-тай Сандуновских бань.

Полковник повертел в руках письмо, положил его и сказал:

– Садись, капитан, потолкуем. – И когда Гаев сел, полковник продолжал: – Ты, Гаев, поставь себя на место твоего противника, подумай и скажи: ты взял бы такого типа в агенты своей разведки?

– Нет, – не задумываясь, ответил Гаев.

– Та-ак, – протянул полковник. – Если мы будем считать, что данные, собранные тобой, верны, – Иншаков глупая и мелкая фигура. А где им взять лучше? На кого они могут опереться в нашей стране? На безрыбье, как говорится, и рак – рыба. С Иншаковым надо повидаться. Остальные письма оставь, я их просмотрю сам. У тебя все?

– Нет, самое интересное впереди, – сказал Гаев. – Вчера при таможенном осмотре на Внуковском аэродроме личных вещей фотокорреспондента журнала «Лайф» Генри Пресли объектив фотокамеры Лейц вызвал подозрение: на стенках объектива противоабберрационная нарезка была закрыта темной блестящей массой, которая оказалась шифрованной микроплёнкой. Вот расшифровка, – закончил капитан, положив на стол узкий лист бумаги.

«Фрэнк благополучно добрался до цели и предпринял необходимые шаги. Полагаю, что четкая работа Келли заслуживает благодарности. Майкл».

– Совершенно очевидно, что Генри Пресли – передаточная инстанция. Кто-нибудь из работников посольства, как это часто бывает, занимается совместительством, – усмехнулся полковник и добавил: – Он прочел наше объявление о шифоньере красного дерева и сделал совершенно закономерные выводы: Фрэнк добрался, дал объявление, стало быть, предпринял необходимые шаги; а Келли – это мюнхенский специалист по переброске шпионов и диверсантов, наш старый знакомый. Все ясно, но вот письма, нужного нам письма, товарищ Гаев, пока нет.

6. Сон в руку

Вечером приятный тенорок попросил к телефону Кузьму Тимофеевича. Владелец тенора оказался еще и владельцем старинного шифоньера красного дерева.

А утром Кузьма Тимофеевич выехал электричкой в Ильинское, где находился старинный шифоньер. Но он опоздал: шифоньер уже был продан. Тяжело переживая эту неудачу, Иншаков вернулся домой уже поздно, весь вечер ожесточенно парился в Сандуновских банях и пил холодное пиво. Ночью спал плохо, видел во сне, будто шифоньер красного дерева, лязгая зубами, открывает пасть и, точно библейский кит, проглатывает Кузьму Тимофеевича прямо в костюме-тройке и с зонтиком. В чреве шифоньера душно и пахнет березовым веником, а на самом видном месте плакат: *«В шайки ногами не становиться»*.

Наклоняется над ним банщик Аким и говорит ласково: пожалуйста, Кузьма Тимофеевич, я вас на квартиру доставлю. Выводит Аким его из шкафа, и вот они оба около парадного, и Кузьма Тимофеевич читает с облегчением: «К. Т. Иншаков. Звонить два раза». Аким нажимает кнопку, слышны резкие звонки, но дверь не открывают, тогда Иншаков сам звонит два раза, еще два раза, еще...

Проснулся он и слышит – звонят действительно, а на столике рядом лежит и благоухает березовый веник. Посмотрел он на часы – было двадцать минут пятого.

Вскочил Иншаков с кровати, набросил халат, а звонок у дверей все заливается. Где-то в боку заныло от дурного предчувствия. Поднял он сиденье пуфика, вынул большой пакет, побежал на кухню и бросил его в мусорное ведро, после чего открыл дверь.

Предчувствие его не обмануло: в сопровождении дворника явились два товарища и предъявили ордер на обыск.

Обыск у Иншакова длился три часа и не дал никаких результатов, товарищи уже было собрались уходить, как вдруг раздался стук в дверь, вошла соседка и, положив на стол большой пакет, сказала:

– Вот, товарищи, пошла я мусор выносить, опрокинула ведро в урну, а газета эта лопнула, они и посыпались, я даже и сейчас в себя не могу прийти... – и действительно, вид у женщины был очень удивленный.

В пакете оказалось почти на миллион рублей облигаций разных государственных займов.

– Ваши? – спросил его один товарищ.

– Нет, такими вещами не занимаюсь, – ответил Иншаков и даже засмеялся.

Но облигации оказались завернутыми в «Вечернюю Москву», а на газете карандашом номер дома и номер квартиры обозначены. Никто в этой квартире, кроме Иншакова, эту газету не выписывал; кроме того, нашли в пачке тетрадку с описью номеров всех облигаций, ну а от своего почерка не откажешься.

– А мы-то считали, что он в «сорочке» родился; что ни заем, обязательно Кузьма Тимофеевич выигрывает, а он вон что! Спекулянт!! – резко сказала соседка и ушла, хлопнув дверью.

И действительно, Иншаков спекулировал облигациями государственных займов.

Попытка заработать на шифоньере красного дерева оказалась последней, к тому же неудачной спекуляцией Иншакова.

А дворник этого дома, Авдотья Никитична, рассказывала:

– Смотрите, какие нынче люди пошли: Лебедева Галина Петровна, работает в больнице санитаркой, меньше меня получает, а миллион в мусорном ведре нашла – государству вернула! На миллион не позарилась.

7. Веточка сирени

Была уже середина мая. Генерал, заинтересованный делом Фрэнка-Рубцова-Клюева, сильно торопил полковника. А что мог сделать Каширин? Мог ли он ускорить развитие событий?

Проверка всех писем, полученных 31-м почтовым отделением на имя Рубцова, не дала ощутимых результатов. Иншаков оказался просто спекулянтом, он сознался во всем и был осужден Народным судом по статье 107-й уголовного кодекса.

Однажды на исходе дня пришел капитан Гаев, и по одному его виду полковник понял, что произошло что-то важное. С трудом сдерживая улыбку, Гаев молча положил на стол полковника ничем не примечательный серенький конверт.

На конверте была марка достоинством в 40 копеек, погашенная семнадцатого мая почтовым отделением одного из небольших районных городов Подмосковья. Адрес был напечатан, судя по шрифту, на портативной машинке старого типа, буквы Р и О западали, пропечатываясь только наполовину. Обратного адреса на конверте не было.

Полковник осторожно вскрыл конверт. Гаев нервно ходил по кабинету: то присаживаясь на диван, то вскакивая опять, он еле сдерживал свое нетерпение.

– Сядь, не мельтеши перед глазами, – сказал полковник Гаеву и прочел письмо сначала про себя, а потом вслух. Письмо было кратким и телеграфно-лаконичным; так же как и адрес, оно было напечатано на машинке, подписи не было:

«Редко бываю Москве – задержался ответом, будьте двадцать первого тринадцать часов Суворовском бульваре стороны Арбатской, слева третья скамейка от справочного киоска, правой руке держите веточку белой сирени».

Двадцать первого мая выдался хороший, ясный день. С утра прошла гроза, освежила и умыла город, листва на деревьях стала ярче, боярышник цвел буйным цветом.

На садовой скамейке Суворовского бульвара сидел человек лет тридцати, лицо его, необычайно простое и добродушное, вызывало симпатию с первого взгляда. Он был без галстука, в легкой трикотажной рубашке с короткими рукавами и светлых брюках. Синий пиджак лежал у него на коленях, в правой руке он держал веточку чудесной белой сирени.

Рядом с ним слева, мирно покачивая коляску со спящим ребенком и читая книгу, сидела молодая мать. Около нее старичок, опершись подбородком о набалдашник палки, наблюдал за девочкой, игравшей мячом.

Был час дня.

Две маленькие девочки в школьной форме и белых парадных фартуках остановились, разглядывая свои покупки. Они купили тетрадки в клеточку и по десятку перьев.

– Смотри, Кира, – сказала одна, – когда мы поступили в первый класс, перышко стоило три копейки, а теперь, после снижения, только две.

– Вот погоди, – сказала другая, – еще два снижения – и перья будут давать даром.

Девочки ушли, прижимая к груди тетради. Рядом с молодым человеком, справа, села девушка с книжкой. Она пристально изучала веточку сирени в его руке, а потом сказала:

– Я нашла счастье в вашей сирени, это счастье мое, разрешите я его возьму.

– Счастье, девушка, ваше, берите его, – многозначительно сказал молодой человек.

Девушка покраснела от смущения, но все же оторвала пятилепестковый цветок и положила его в рот. На коленях ее лежала книжка «Курс физики» Соколова, – девушка готовилась к экзамену на аттестат зрелости. Почитав еще немного, она встала и ушла. Вместо нее села пожилая дама в очках и соломенной шляпке, украшенной букетиком искусственных ромашек и

каких-то еще неизвестных цветов. Она долго вышивала болгарским крестом подушку, а затем тоже ушла.

Молодая мать с детской коляской направилась в сторону Арбата, старичок, положив мяч в сетку и взяв ребенка за руку, ушел к Никитским воротам. А молодой человек с веточкой сирени, бросая пытливый взгляд на каждого человека, проходящего мимо, все еще сидел на садовой скамейке.

И двадцать второго и двадцать третьего мая молодой человек с веточкой белой сирени сидел на садовой скамейке с часу дня до четырех. Но тот, кого он ждал, так и не пришел на свидание.

8. Католическое благословение

Полковник Каширин отлично понимал, что где-то, в чем-то, в какой-то мелочи допущена непоправимая ошибка. Но где? В чем?

И сейчас, когда он спускался опять к Зубову, пока шел длинным, бесконечным коридором мимо дверей в мягкой обивке, этот вопрос не давал ему покоя.

Зубов его ждал. Полковник, передав ему письмо в сером конверте, занял место в кресле, в тени портьеры. Зубов позвонил, вошел лейтенант.

– Рубцов-Клюев доставлен?

– В приемной, – ответил лейтенант.

– Давайте его.

Лейтенант вышел и ввел Клюева. Клюев был чисто выбрит, умыт, опрятен, выражение его глаз стало спокойнее, и только руки попрежнему нервно теребили кепку.

– Ну что ж, – начал подчеркнуто сухо Зубов, – вы нас обманули?!

– Нет! Клянусь честью, нет!! – горячо запротестовал Клюев.

– Честью? – переспросил подполковник.

– Чем хотите! Мамой своей! Светлой памятью моего прошлого...

– Нам нужны не мелодраматические клятвы, а дела. Мы проверяем вас, Клюев, и убеждаемся, что вы нас обманули.

– Скажите, где, когда, в чем я вас обманул? – горячо сказал Клюев.

– Здесь вопросы задаю я, понятно? – поправил его подполковник.

– Простите! – извинился Клюев.

– Повторите, какое объявление вы должны были дать в Мосгорсправке по прибытии в Москву?

– «Продается старинный зеркальный шифоньер красного дерева» и указать фамилию Рубцова и номер почтового отделения до востребования, – с готовностью ответил Клюев.

– Номер какого-либо определенного почтового отделения? – переспросил подполковник.

– Нет, любого.

– Скажем, вы, Клюев, добрались до Москвы, дали такое объявление и получили вот такой ответ. Возьмите письмо, прочтите.

Взяв из рук подполковника письмо, Клюев внимательно прочел его и вернул обратно.

– Как бы вы, Клюев, поступили, получив такое письмо? – спросил подполковник.

– Я, конечно, пошел бы на этот Суворовский бульвар, сел на третью скамейку с веточкой сирени и ждал.

– А если мы все это проделали, но никто не пришел?

– Этого не может быть!

– Клюев, я вас еще раз предупреждаю, не забываете, где вы находитесь! – предупредил его подполковник.

– Простите, я волнуюсь. Этот гражданин, ну который был на Суворовском бульваре, как он держал веточку сирени?

– Как указано в письме, в правой руке, примерно так, – и, взяв в правую руку карандаш, подполковник показал, как бы он держал ветку сирени.

– Нет, что вы! – волнуясь, сказал Клюев, – так он ни за что не подойдет.

– Почему?

Заинтересовавшись, полковник Каширин встал и подошел к столу. И Клюев, уже понимая, что главный здесь вот этот высокий сидящий человек с пронизательными серыми глазами, заговорил, обращаясь к нему:

– Помните, вы это тоже слышали, я рассказывал: на даче, близ города Берхтесгадена, францисканский монах Доменико Биджаретти, мы звали его Диб, обучал нас коду внешней связи. Внешняя связь – это внешние опознавательные знаки, при помощи которых агенты налаживают связь, не зная друг друга. Эти кодированные знаки меняются каждые три месяца и как бы служат бессловесным паролем. На апрель, май и июнь кодированный знак внешней связи – три пальца правой руки, сложенные для католического благословения. Написавший это письмо знает код, поэтому он требовал, чтобы в правой руке была веточка сирени, держать ее нужно было так, – Ключев взял карандаш и показал, как надо было держать веточку сирени. – Он был и, увидев, что сидящий с веточкой сирени не знает кода, не доверился ему и прошел мимо.

– Почему же, черт вас возьми, вы этого не сказали раньше!! – не сдержавшись, крикнул подполковник Зубов.

– Потому что вы меня об этом не спрашивали. Я же сказал вам, что монах-францисканец обучал нас умению владеть кодом внешней связи...

– Теперь об этом поздно говорить, – спокойно сказал полковник и, быстро выйдя из кабинета, прошел к капитану Гаеву.

– Наломали дров, – сказал полковник, – наломали дров, – повторил он и прошелся по кабинету. – Плохо не то, что этот тип не обнаружил себя. Плохо то, что он отлично понял, что на скамейке, с веточкой сирени в руках, сидит подставное лицо, а настоящий агент в наших руках. Он это понял и, конечно, насторожился.

Подавленный этой же мыслью, капитан Гаев молча стоял и уныло смотрел в окно.

– Ну чего, Николай Алексеевич, ты нос повесил? – продолжал полковник. – У нас есть ниточка, попробуем размотать и весь клубок. Опыта у нас достаточно.

– Ниточка-то очень тонка, Сергей Васильевич, того и гляди порвется, – с огорчением заметил Гаев.

– Как это тонка? На конверте письма агента есть городской штамп. Стало быть, город мы знаем. Образец письма на машинке у нас есть? Есть! Будем действовать. Пошлем в этот город умного инициативного человека.

– А если письмо в целях конспирации брошено из другого города? А если эта машинка частная? – спросил Гаев.

– Если бы да кабы – это не наш стиль работы, капитан Гаев. Будем действовать.

9. Майор Никитин

Было одиннадцать часов двадцать пять минут, а поезд «Красная стрела» из Ленинграда приходит в 11.00.

Полковник снял трубку телефона и набрал номер.

– Гараж? Диспетчер? Говорит полковник Каширин. Я давал указание выслать мою машину на Ленинградский вокзал... Хорошо... – Полковник положил трубку и подошел к окну. Перед ним расстилалась вся в движении, сверкающая в лучах полуденного солнца – Москва. Сквозь приоткрытое окно в кабинет врываются шумы великого города.

Полковник не слышал стука в дверь и не видел майора Никитина, когда он вошел в кабинет. Степан Федорович Никитин был человек лет тридцати пяти. Над крутым, большим лбом золотистая копна волос с выжженной солнцем прядью; густые светлые брови, сросшиеся над переносьем, походили на два крыла золотистой птицы. В тени больших и почему-то темных ресниц голубые глаза, немного прищуренные, искрились теплом и мягким юмором. Нос был прямой, но далеко не классической формы. Выразительный рот и твердый волевой подбородок дополняли этот портрет.

Одет был Никитин в ладно сшитый серый спортивный костюм, из-под которого выглядывала гладкая шелковая рубашка и темно-красный галстук в серебристую полоску.

Никитин некоторое время постоял в дверях, рассматривая Каширина: они не виделись больше месяца. Он без труда заметил, что полковник чем-то озабочен, устал, но в то же время находится в состоянии большого напряжения. Никитину все это было знакомо, и, проникаясь сочувствием и теплотой к этому большому, без усталости работающему человеку, не в силах дальше сдерживать себя, он шагнул вперед.

– Сергей Васильевич! Друг!!

Каширин повернулся, увидел Никитина и, заключив его в объятия, радостно воскликнул:

– Степа! Я знал, что ты не удержишься. Знал. Ну, садись, рассказывай!

– Да что рассказывать, Сергей Васильевич. Сняли мы на Лахте комнату с верандой, жена готовится к защите диссертации, а я рыбачу понемногу. Начал купаться, взял напрокат лодочку, робинзону, только Пятницы нет. Собаку завел, дворняжка чистых кровей, прибулдился пес случайно, а теперь нас водой не разольешь, – охотно рассказывал Никитин.

– Ну а тема диссертации у Ксении сложная? – спросил полковник.

– «Контузионный синдром и отдаленные результаты повреждения черепа».

– Эта тема ей хорошо знакома. Когда она защищает диссертацию?

– Осенью, в сентябре или октябре. Сергей Васильевич, что-нибудь случилось, что ты меня так срочно вызвал? – тревожно спросил Никитин.

– Видишь, Степа, у нас всегда что-нибудь да случается. Такая наша «планида», – уклончиво ответил полковник и в свою очередь спросил: – Скажи, Степа, ты ведь, кажется, с Шабровым служил в одном полку?

– Шабров, Петр Михайлович?! – вспомнил Никитин. – Как же, в пятьдесят первом саперном; он командовал батальоном, а я ротой. Если не считать слабости к Бахусу¹, чудесный парень, сильный, знающий инженер. Я в сороковом кончил строительный институт, пришел к нему в батальон и только там понял, что практически ничего не знаю. Нет, он человек стоящий. Хороший товарищ!

– Ты служил с ним по сорок второй? – спросил полковник.

¹ Бахус – беселья у древних римлян.

– Точно. В сорок втором меня как офицера, владеющего немецким и английским языками, отозвали из саперной части, и попал я в руки Каширина. Вот о нем я ничего хорошего сказать не могу, зверь, а не человек!

– Это я-то?

– Ты-то!

– Ну погоди, я тебе это припомню! Возвращайся из отпуска и приступай к работе!

– Сергей Васильевич, как же так, я еще и отдыхать по-настоящему не начал...

– Я, Степа, тоже посидел бы бездумно на бережку, в камышах с удилицем, отгоняя комаров махорочным дымком. Дела не позволяют, – сказал Каширин и даже вздохнул. Он встал, прошелся по кабинету, затем остановился против Степана и официально сказал:

– Майор Никитин, слушай внимательно: в небольшом районном центре под Москвой сидит агент иностранной разведки. Если судить по той посылке, что направляет ему хозяин, враг это опасный и терпеть его на нашей земле нельзя. Кто он, где работает, чем занимается, мы не знаем. Но знаем мы, что в этом районе несколько крупных военно-промышленных объектов. Стало быть, основная его задача – проникнуть на эти объекты. Вот назначение майора инженерных войск Никитина диспетчером Военно-строительного управления округа при Отдельном строительном участке. – Полковник положил перед Никитиным назначение. – Как диспетчер ВСУ округа ты можешь бывать на всех объектах строительства, а основные заказчики ОСУ – военно-промышленные предприятия. Начальник ОСУ – полковник Шабров.

– Петр Михайлович?!

– Петр Михайлович. В 11.40 тебя ждет подполковник Зубов. Спустись к нему и посмотри протокол допроса Фрэнка-Рубцова-Клюева. Все остальные материалы получишь у капитана Гаева. Если тебе будет трудно, помни – ты не один. Первый секретарь горкома партии Роман Тимофеевич Горбунов – умный человек, большого жизненного опыта. Можешь смело ему довериться, он в курсе всех вопросов, связанных с твоим назначением.

Никитин вышел, а полковник снял трубку телефона и набрал номер:

– Товарищ генерал? Говорит полковник Каширин. Докладываю по делу «Фрэнка»: завтра утром майор Никитин выезжает на место.

10. Начальник ОСУ

Шабров поднялся, как всегда, в семь часов, стараясь не потревожить жену и сына. Ставни были закрыты. Громко тикал будильник, положенный набор.

Шабров вышел во двор, взял ведро, умылся, облившись до пояса прохладной, освежающей водой, растерся докрасна полотенцем и, вернувшись в дом, прошел на кухню.

Здесь, вытащив вилкой из кастрюли с борщом, стоявшей в ведре с водой, солидный кусок мяса, нарезал его, оглядываясь на дверь спальни, стараясь не шуметь, налил из графина стопочку водки, выпил ее и плотно закусил.

Когда к калитке подъехал газик – «козел», Шабров уже был одет, чисто выбрит и ждал на улице.

– Куда, товарищ полковник? – спросил шофер.

– В стройбат, – сказал Шабров и откинулся на спинку сиденья.

Сегодня был день боевой и политической учебы стройбатовцев, поэтому на стройках Отдельного строительного участка (ОСУ) работало только несколько бригад вольнонаемных, специалистов по укладке плитки и сантехнике.

Шабров, опытный военный инженер, отлично понимал, что крепкая воинская дисциплина, хорошая боевая выучка и политическая подготовка бойцов решают дело, поэтому свой обычный объезд строительных площадок он начинал со стройбата.

Если стройбатовцы были на стройке, он проходил в казармы, заглядывал на кухню, снимал пробу пищи; его острый глаз заглядывал всюду. К этому полковник привык еще в боевой обстановке.

Когда газик остановился около стройбата, рота лейтенанта Семенова занималась строевой подготовкой, а под брезентовым навесом рота лейтенанта Колесова изучала станковый пулемет. Старшина-сверхсрочник Голодед занимался с одним солдатом. Голодед был врожденный строитель-плотник: он мастерски владел топором.

«Надо вызвать старшину, потолковать о бригаде плотников», – подумал Шабров. А через минуту, подглядев, как ловко и быстро действует Русых около пулемета, Шабров уже прикидывал, куда, на какой участок можно поставить парня с такими умелыми руками.

Остальные роты занимались в помещении батальона теоретическими дисциплинами, политучебой. Все оглядев и, конечно, заглянув на кухню, Шабров вышел за ворота, сел в машину и сказал:

– На площадку «А-17».

Полковник любил быструю езду, «с ветерком»; поэтому уже через несколько минут машина затормозила около проходных ворот. Охрана знала Шаброва в лицо, но все же пропуск ему и шоферу пришлось показать. Только после этого ворота открыли и машина въехала на территорию завода.

Завод был построен лет пять назад, но уже в этом году возникла настоятельная необходимость в строительстве дополнительных цехов. Это и была стройплощадка «А-17».

Быстро obeжав объект, Шабров побеседовал с сантехниками, которые спрессовывали секции отопления, осмотрел леса и крепко выругался – стены подняты до предела, строители подкладывали на леса ящики для раствора, ведра, бросалось в глаза, что моститься было нечем, леса не было. Картина была ясна: завтра утром стройбатовцы выйдут на работу, а лесов нет!

– Я из этого Вербова душу вытрясу! – буркнул себе под нос Шабров и сел в машину.

Опять проверила пропуска охрана, и вновь машина выбралась на шоссе.

– На «В-5», – сказал Шабров, приходя все больше и больше в дурное настроение.

Стройплощадка «В-5» была на заводе, построенном совсем недавно и оснащенном новой первоклассной техникой. Но уже в этом году творческая техническая мысль советских кон-

структоров создала новые, сверхмощные карусельные станки, способные обрабатывать детали до пяти метров в диаметре. Эти новые станки нельзя было разместить в цехе, надо было поднять стены, усилить перекрытие, а главное – подготовить фундамент, способный выдержать такую колоссальную нагрузку. Все эти работы осуществляло ОСУ.

На этот завод машину не пропустили. Пришлось выйти из машины и, трижды предъявляя пропуск, добираться до стройплощадки пешком.

Осмотрев площадку и убедившись, что гравия недостаточно, что кирпича в лучшем случае хватит до обеда, Шабров еще больше разозлился, быстро вышел за проходную и погнал машину на прирельсовый склад.

Дело в том, что главный инженер ОСУ полковник Ремизов выехал на Урал принимать новую технику, а заместитель начальника управления по материально-техническому обеспечению майор Ведерников был тяжело болен и его заменял Вербов, старший инженер МТО, ловкач и деляга.

Вербов был неистощим на всякие веселые выдумки, умел рассказывать анекдоты, а главное, был не дурак выпить и тем самым снискал к себе расположение полковника.

11. Черта, сделанная ногтем

Пошел второй месяц работы Никитина в ОСУ, а от выполнения возложенной на него задачи он был так же далек, как и в первый день своего приезда.

Дело оказалось сложным: ни один шрифт из всех имеющихся машинок в городе не имел тех характерных особенностей, которые были в письме агента.

Таким образом, оборвалась и эта ниточка, а клубок оставался неразмотанным.

Никитин тщательно присматривался к людям, бывал на объектах, но никаких ощутимых результатов не было, – враг был хитер и опытен.

А что, если, заметая следы, враг отправил письмо из этого района, а базируется в другом?.. Эта мысль все чаще и чаще приходила Никитину в голову, не давала ему покоя.

Сегодня, пользуясь тем, что стройбатовцы не работали, Никитин пришел в ОСУ позже обычного, поздоровался с секретарем Шурой и прошел к себе в кабинет. Временно в связи с отъездом главного инженера Ремизова Никитин обосновался в его кабинете.

Из большой приемной можно было попасть в три кабинета: к начальнику ОСУ, главному инженеру и начальнику материально-технического обеспечения, или сокращенно МТО. Шура была секретарем всех трех. Шутники говорили, что эти трое – бог отец, бог сын и бог дух святой, а Шура при них вроде девы Марии.

Шура была тоненькой, златоголовой, с загоревшим лицом, простой, душевной девушкой. Строители – народ грубоватый, но относились к ней хорошо, уважительно.

В кабинете еще было не жарко, с реки порывами долетал ветерок, полный влажно-освежающей прохлады. Никитин взял со стола свежий номер газеты и, просматривая ее, сел в кресло у стола.

Пробежав первую полосу, он перевернул газету и сразу заинтересовался отделом «Только факты». «Газета “Дейли Экспресс”, – читал он, – *напечатала корреспонденцию из Бонна... Находящиеся в Германии британские военнослужащие всех званий должны приветствовать исполнение германского гимна*»...

Здесь же ниже была приведена фотокопия с подлинника этой статьи на английском языке.

Практики в английском языке было мало, поэтому, пользуясь каждой возможностью чтения и перевода, Никитин прочел весь текст по-английски: «*Бритиш трупп маст сэлут джерман ансам*»... и перевел на русский. Оказалось, что переводчик газеты пропустил два существенных слова: «немедленно вставать».

Никитин вернулся вновь к английскому тексту, и его внимание привлекло следующее обстоятельство: пропущенные русским переводчиком слова в английском тексте «*стэнд ап*» были подчеркнуты ногтем.

Его трезвый, аналитический ум получил повод для дальнейших размышлений: если кто-то, скажем, Икс, обнаружил ошибку переводчика, следовательно, он знает английский язык. Кто же это?

В ОСУ работала большая группа инженеров, конструкторов, людей с высшим техническим образованием, окончивших МИСИ, Высшее техническое училище, Военно-инженерное училище. Кто-нибудь из этих инженеров мог знать английский язык, и в этом не было бы ничего удивительного.

Никитин подошел к двери и позвал секретаря. Когда Шура вошла в кабинет, он плотно закрыл дверь, объяснив это сквозняком, и спросил ее:

- Шура, скажите, кто, кроме меня, читал эту газету?
- Никто не читал, – уверенно ответила Шура.
- А вы вспомните, быть может, кто-нибудь читал?

– Не-ет, – припоминая, сказала девушка, – газету я получила вчера, к концу занятий, когда вы с Петром Михайловичем уехали на объекты, а сегодня, с утра, я положила газету вам на стол.

– Это пустяк! Да, Шурочка, вы ведь все знаете, скажите, мне нужно перевести пару страниц из английского строительного справочника. Как вы думаете, кто бы мог это сделать?

– Кто?.. Право, не знаю... Месяца три назад начальник прочел в газете о том, что активный деятель прогрессивной партии Америки Ульям Бартлет брошен в тюрьму. Петр Михайлович знал этого американца, когда в сорок пятом наводил мост через Эльбу, он встречался тогда с капитаном Бартлетом, и американец подарил ему книжку Марка Твена и надписал ее на своем языке. Петр Михайлович приносил эту книжку, показывал нам, но никто во всем управлении, оказалось, не знал английского языка. Гуляев даже ходил с книжкой в школу-десятилетку, показывал преподавательнице английского, но она сказала, что почерк очень неразборчивый, и прочесть ничего не смогла. Вот немецкий язык у нас знают пять человек.

– Ну ладно, Шурочка, спасибо. Переведет в Москве мой приятель.

Шура вышла, а Никитин положил газету в свою папку.

«Вот еще одна ниточка, тоненькая, но все же ниточка», – подумал Никитин, и ему неудержимо захотелось повидать Каширина, поговорить с ним, обсудить происшедшее.

12. Длинные ногти

По тому, как Шабров прошел в кабинет, нагнув голову, глядя исподлобья, точно бычок, Шура поняла – будет буря. И действительно, тотчас же из кабинета начальника раздался резкий, нетерпеливый звонок.

– Вербова ко мне! – коротко сказал Шабров, и не успела девушка дойти до двери начальника МТО, где сейчас в связи с болезнью Ведерникова находился старший инженер отдела, раздался опять резкий звонок полковника.

– Евгений Николаевич, срочно к начальнику! – бросила Шура и побежала к Шаброву.

Евгений Николаевич Вербов был красив и, самое главное, он знал об этом не хуже других. У него были темные волосы, зачесанные назад, густые брови под длинными, загнутыми вверх ресницами, зеленовато-серые глаза, прямой нос с тонкими, чувственными ноздрями. Он носил усы, подбритые сверху, закрывавшие узкую верхнюю губу, зубы у него были как на подбор, ослепительной белизны, особенно это ощущалось по сравнению со смуглой загорелой кожей лица. Словом, Вербов был излюбленный художниками тип мужчины для рекламы зубной пасты. Ему исполнилось сорок лет, он начал полнеть, и все явственнее намечался у него второй подбородок и брюшко.

Осмотрев себя в зеркало, вставленное в спинку дивана, он остался доволен собой, взял со стола папку с документами и направился к начальнику.

Не успел Вербов переступить порог кабинета, как на него обрушился град упреков:

– Ты что же это, Евгений Николаевич, шутить изволишь?! На площадке «А-17» мостятся ящиками для раствора да ведрами, – леса нет! У сантехников не хватает дюймовки и угольников, на «В-5» кирпича часа на три работы, гравия нет, на «Д-4» нет кровельного железа. Ты мне сказал, что кровельное железо завез вчера?! Завтра батальон выйдет на работу, а ничего не подготовлено! Мне диспетчер ВСУ округа сигнализировал об этом еще вчера, – сказал Шабров, кивнув в сторону Никитина, сидевшего здесь же, – а сегодня я проверил все сам и убедился, что ты не МТО – материально-техническое обеспечение, а МТО – можешь только отдыхать!!

– Брань на вороту не виснет! – вместо оправдания сказал Вербов. Он всегда употреблял в разговоре всякие шутки да прибаутки. – Петр Михайлович, я один, а площадок много, хозяйство большое. Помощники у меня, сам знаешь, не народ, а так себе.

– Закрой к черту твой отдел, разошли командный состав, но чтоб к вечеру весь материал был на площадках! Не будет – посажу тебя на пять суток, – решительно закончил полковник.

– Петр Михайлович, помилуйте, я человек штатский, меня нельзя сажать без санкции прокурора, – улыбаясь, сказал Вербов.

– Посажу, а потом разберемся!

В кабинет вошла Шура и обратилась к Никитину:

. – Степан Федорович, вас вызывает по телефону Москва.

Никитин извинился перед полковником и вышел. Оставшись с Шабровым наедине, Вербов заметил:

– Вот ты меня, Петр Михайлович, ругаешь, крепко ругаешь и каждый день, а помочь мне не хочешь.

– Чем это я должен тебе помочь? – спросил Шабров.

– Вот наряд на завод «Пролетарий»; двадцать пять тысяч кирпича надо вывезти, а когда ни приедешь – кирпича нет. Я директора завода пригласил завтра к себе, хочу его попотчевать. Приехал бы ты, мы бы его вдвоем быстро уговорили, а?

– Нашел компаньона! Я наряд получил, стало быть, помог, а водку пить я тебе не помощник, управляйся сам! Чего у тебя?

Вынимая из папки документ и кладя его перед Шабровым, Вербов сказал:

– Шелевку надо списать, пятнадцать кубов, недомерок, пошел на леса «А-1». Подгнил, пришлось пустить на дрова.

– Ты в своем уме? Пятнадцать кубов?!

– Каюсь, Петр Михайлович, десять кубов вывез заводу металлоконструкций в обмен на швеллера. Но это же не напишешь... – объяснил Вербов, разведя руками.

– Комбинируешь?! Смотри, докомбинируешься! – сказал Шабров, но акт все же подписал.

Когда Никитин вошел в кабинет полковника, Шабров подписывал доверенности, которые ему подавал Вербов. Никитин обратил внимание на пальцы старшего инженера с длинными точеными ногтями.

– Евгений Николаевич, зачем вы носите такие длинные ногти? – спросил Никитин.

Ничуть не смутившись, блеснув рекламной улыбкой, Вербов ответил:

– Древние обладали классической формой рук, у них были длинные, тонкие пальцы; мы же выродились, пальцы наши короче и грубей. Такие ногти удлиняют пальцы, делают их близкими к эллинской, классической красоте.

– Съел? – сказал Шабров и добавил: – Классическая красота в руках и классическая глупость в башке.

Словесный поединок готов был разгореться, но в это время в кабинет вошел длинный, как жердь, начфо – майор Козлов. Вид его свидетельствовал о чрезвычайном происшествии.

Довольный, похлопывая папкой по колену, Вербов вышел из кабинета.

– Что у тебя, товарищ майор? – спросил у начфо полковник.

– Сегодня счетовод-инкассатор Гуляев получал в банке деньги для выплаты зарплаты, и, представьте себе, приходит он в управление, пересчитывает деньги и обнаруживает, что кассир банка передал ему лишнюю пачку денег в тысячу рублей!

Полковник вызвал к себе Гуляева и, обращаясь к майору Козлову, спросил:

– Как, полагаешь, надо поступить?

– Надо Гуляева отметить, даже премировать, а? – нерешительно заметил Козлов.

Вошел в кабинет человек, на вид лет пятидесяти пяти, – длинные волосы его, сильно тронутые сединой, по-артистически зачесаны назад, голубые, еще не утратившие силы глаза смотрели прямо и уверенно, усы щеточкой, которые он, очевидно, красил восстановителем, были значительно темнее волос, но предательски зеленоватого цвета. Был он в синем костюме, сильно лоснящемся на коленях и локтях, но опрятном и чистом, галстука не носил: на нем была украинская вышитая рубаха.

– Вызывали, Петр Михайлович? – спросил Гуляев.

– Вызывал, Сергей Иванович! – в тон ему ответил Шабров. – Молодец! Хороший, честный поступок! – и, обращаясь к начфо, распорядился: – Объявите Сергею Ивановичу благодарность приказом с занесением в личное дело и напишите бумажку в ВСУ округа с просьбой разрешить нам премировать Гуляева месячным окладом.

– Очень хорошо! – сказал майор Козлов и вышел из кабинета.

– Вам ничего не нужно в Стройуправлении округа, товарищ полковник? – спросил Никитин. – Я еду через полчаса к проектировщикам.

– Очень прошу, Степан Федорович, получи расчет перекрытий на «В-5».

Никитин простился и вышел из кабинета, а Гуляев, достав из бокового кармана несколько фотографий, передал их Шаброву.

– Что это?

– Ваш Мишка. Я его в прошлое воскресенье сфотографировал на реке. Хорош?

– Хорош! Вот парень – так парень! Как я, быдластый, даже родинка, как у меня, на плече!

– Портрет!

– Ну молодец! Мастер на все руки! Налей-ка мне, Сергей Иванович, водички, изжога проклятая мучит, – сказал Шабров, придя в хорошее расположение духа.

– А вы бы, Петр Михайлович, чайного грибка попили бы. Хотите, я вам от своего отдела? Изжогу как рукой снимет, – любезно предложил Гуляев.

– Ну что ж, принеси, – охотно согласился Шабров.

В это время Шура заглянула в кабинет.

– Ты чего, Шура? – спросил ее Шабров.

– Вербова ищу, думала, не у вас ли, его к телефону.

– Переключи на меня, – распорядился Шабров и взял трубку. – Алло! Слушаю! Кто спрашивает Вербова? А, Людмила Денисовна! Приветствую вас, это Шабров! Евгения Николаевича нет, выехал на центральный склад. Что передать? Позвоните? Хорошо, передам, – и, положив трубку на рычаг, добавил: – Вскружил бабе голову, она с ним наплачется.

– Ничего, в этом возрасте не опасно. Да я и не думаю, инженер-конструктор номерного завода, дела у нее, небось, вот, – Гуляев провел ребром ладони по горлу, – амурами заниматься некогда.

– В Индии, я где-то читал, есть такие специалисты: по два месяца без пищи живут, а вот без любви человек жить не может. Будь ты хоть сто раз конструктор, а глупеешь и влюбляешься.

В это время пронзительно зазвонил прямой телефон из Москвы. Шабров снял трубку, Гуляев осторожно, стараясь не шуметь, вышел из кабинета.

13. Кассир банка

Есть много людей, охваченных невинной страстью к коллекционированию: филателисты собирают почтовые марки, нумизматы – старинные монеты. Есть упорные собиратели живописи, хрусталя, копенгагенских безделушек, есть коллекционеры и попроще: собирающие коробки от спичек, обертки от конфет.

Что касается Трофима Фаддеевича Ступина, то он был коллекционер совершенно особого рода. Собирал рыболовные снасти. За свою жизнь он поймал сотни две пресноводных, да и то это были пескари и прожорливая уклейка, но снасти собирал с таким упорством и любовью, что казалось, всей рыбе всех водоемов приходит последний час.

У него были спиннинги десятка фасонов, целые бухты капроновых шнуров, плетеных лесок, крючки всех конструкций и размеров, даже для акулы двойной якорек, грузила, поплавки, колокольчики, словом, коллекция – «мечта рыболова».

В воскресенье в Москве, на улице Герцена, в комиссионном магазине Ступин видел большой ящик полированного красного дерева с набором блесен для спиннинга. Боже мой, чего там только не было! Блесны «Спинер», «Оттер», «Норвега», «Девона», свыше сотни блесен больших и малых, сверкающих, точно никелевые солнца. И стояла вся эта штука тысячу рублей.

Касса закончила работу. Все группы отдела операций сдали сведения по движению сумм за день, и Трофим Фаддеевич хотел приступить к подводке кассы, но замечтался... Эта шкапулка с блеснами не выходила из головы, не давала ему покоя, как вдруг неожиданно перед окошком кассы появился инкассатор ОСУ Гуляев.

– Прошу прощения, Трофим Фаддеевич, – сказал он, – вы еще не сверяли остатки?

– Только собираюсь, – ответил Ступин.

– Фу! Хорошо, что я успел, – с облегчением сказал Гуляев. – Вы бы расстроились, и попустому. Вот ваши деньги. Одна пачка десятирублевков. Вы ошибочно передали мне тысячу рублей.

– Не может быть!! – воскликнул Ступин. Такой просчет действительно был у него впервые за сорок лет работы в банке.

– Вы мне должны были выплатить семьдесят шесть тысяч пятьсот двадцать рублей, помните?

– Помню...

– А выплатили семьдесят семь. Получите. Я просил нашего начфо не сообщать об этом факте управляющему банком, зачем причинять вам неприятности. Я заготовил расписку, вот, – сказал он, передавая кассиру документ, – подпишите.

Ступин подписал расписку, и Гуляев ушел.

Взяв похолодевшими от волнения руками деньги, Ступин вынул погашенные чеки, сверил их с отчетами оперативных групп, пересчитал наличность, но... недостачи у него не было.

Старик вновь пересчитал чеки, сведения, наличность – недостачи не было!

В третий раз он пересчитал все сначала – недостачи не было!

Тысяча рублей все время оказывалась лишней.

– Как же так... Как же так... – беззвучно шептал он побледневшими от волнения губами. – Как же так?! А может быть, ошибся старший кассир? – подумал старик. – Я здесь сижу и ломаю голову над тем, чьи это деньги, а там в кассе кладовой идет ревизия, люди волнуются...

Наконец решившись, он завернул деньги в бумагу, – запер кассу и пошел к старшему кассиру.

Но в главной кассе остатки были сверены, и старший кассир в ответ на тревожный вопрос Ступина ответил:

– Как всегда – в ажуре! – Это значило, что и в главной кассе все было благополучно.

Старший инспектор по контролю за фондами зарплаты Дмитрий Александрович Астахов, давнишний приятель Ступина, имел отдельный кабинет, выгороженный ему в оперативном отделе.

Астахов, так же как и Ступин, работал в банке с самого его основания, их связывала старая дружба. Когда-то Вадик, сын Ступина, любил Нину Астахову, и Трофим Фаддеевич ждал, что вот в его маленькой квартире на Зеленой Горке появится молодая хозяйка, жена Вадика, и женские ласковые руки окружают его старость теплой заботой, но... пришла война, и в сорок третьем году погиб Вадик под Вязмой... Смерть сына еще больше сблизила его с Астаховым, только у него отогревал старик свое застывшее от горя сердце.

И сейчас, когда случилось такое необычайное происшествие, всколыхнувшее спокойное течение его жизни, пошел Ступин в кабинет к Астахову – посоветоваться с Дмитрием Александровичем, решить, что же делать дальше.

Когда кассир отворил дверь в маленький кабинет инспектора, Астахов оказался не один, у него сидел начальник финансового отдела и главный бухгалтер большого номерного завода.

Ступин сел рядом с дверью в кресло для посетителей и решил терпеливо ждать. До слуха его доносился спор Астахова с представителями завода: на заводе был перерасход по фонду зарплаты, и банк грозил задержать выплату зарплаты рабочим и служащим завода, если расход не будет приведен в равновесие с утвержденными фондами.

Сначала Ступин прислушивался к этому спору, потом мысленно вернулся к тысяче рублей, которая была вот здесь, у него в руках, завернутая в серую оберточную бумагу.

Сутолока и шум, царившие в оперативном отделе, мешали Ступину сосредоточиться. Он посидел, подумал и ушел в свою кассу, заперся там на ключ.

Что делать с этой тысячей рублей? Инкассатор ОСУ вернул эти деньги, они были лишние в его кассе. В кассе самого Ступина не было недостачи. В кладовой кассе – ажур. Кому же принадлежат эти деньги?! Тысяча рублей жгли ему руки, не давали покоя.

И тут он вспомнил о шкатулке красного дерева, – чудо, которым будут любоваться, которому будут завидовать, которого нет ни у кого, «Пун-Яуб»... «Гейнц-Блинкер»... «Орено»... тысячу рублей?!

А что, если... Нет, нет, он не притронется к этим деньгам. Быть может, другие клиенты, получавшие крупные суммы в этот день, недополучили тысячу рублей? А? Завтра они придут к Ступину и скажут... Нет, он подождет до завтра... Это недолго, только до завтра...

14. Гипотеза

В этот день Никитину так и не удалось повидать Каширина: он срочно выехал в Горький. Капитан Гаев, передав Никитину извинение, назначил встречу на завтра на двадцать часов.

На следующий день, приехав в Москву, Никитин побывал в Военно-строительном управлении округа и, выполнив просьбу полковника Шаброва, захватил расчет перекрытий на «В-5».

До встречи с Кашириным было еще около часа, поэтому оставшееся расстояние от Никитских ворот майор решил пройти пешком. Он шел по левой стороне улицы Герцена и неожиданно столкнулся нос к носу с запыхавшимся маленьким старичком, который, наскоро извинившись, юркнул в комиссионный магазин.

Никитин зашел в магазин и остановился у прилавка фотоотдела. Рассматривая фотоаппаратуру, он слышал, как за его спиной встретившийся с ним старичок горячо спорил с продавцом спортивного отдела. Никитин прислушался:

– На часик бы раньше – и блесны ваши!

– Как же так?! Как же так?! Я живу за городом... я специально приехал...

– Только что заходил спиннингист Болдырев, может, слыхали о таком? Чуть не плакал, что упустил блесны.

– Как же так? Что же я теперь? Как же я буду?! – говорил старичок, и в голосе его было столько неподдельного страдания, что Никитин мысленно пожалел старика.

Однако время шло, а надо было еще зайти в следственный отдел. Поэтому, выйдя из магазина, Никитин перешел дорогу и сел на пятый троллейбус.

Никитин успел зайти к Зубову, взял у него подробную опись всех предметов, обнаруженных у Рубцова-Клюева, и вечером, точно без одной минуты восемь, был у дверей кабинета Каширина.

Полковник его ждал, на столике стояла запотевшая, холодная бутылка боржома, два бокала, коробка сигарет и пепельница. Окно было открыто, маленький вентилятор гнал горячий воздух, не давая прохлады. Два глубоких кресла стояли по бокам столика.

Каширин встал, искренне радуясь приходу Степана, и, усадив его в кресло, опустил в другое.

– У охотников Уссурийского края есть добрая примета: если охотника в тайге застигает ночь, если охотник страдает от одиночества, он разжигает костер и готовит ужин на двух человек – и второй всегда приходит, – сказал полковник, указывая на второй бокал.

Выпив маленькими глотками бокал искрящейся холодной воды и закулив сигарету, Степан сказал:

– Сергей Васильевич, появилась новая ниточка.

Показав полковнику статью из отдела «Только факты», он подробно рассказал все обстоятельства дела, потом, со свойственной ему аналитической манерой суждения, критически отверг все свои предположения, а затем вновь доказал значимость возникшего подозрения.

Полковник, взяв со стола четырехкратную лупу, внимательно изучил черту в английском тексте: сомнений быть не могло, слова «стэнд ап» были подчеркнуты ногтем.

– Логично. Если во всем управлении нет ни одного человека, знающего английский язык, но кто-то обнаруживает неточность перевода с английского языка, стало быть, он тщательно скрывает свои знания языка, – мыслил вслух полковник. – В наше время, – продолжал он, – знание языка скрывать нет основания. Но может быть такое положение, при котором человек, знающий хорошо английский язык, по своим анкетным и официально биографическим данным не может знать языка, а тем более английского, не возбуждая к себе некоторого любопытства и даже подозрения, – закончил он.

– Именно на этом я и строю свои предположения, но одновременно у меня возникает и такая мысль: агент иностранной разведки живет в окружении советских людей, он осторожен, чертовски осторожен, зачем ему понадобилось подчеркнуть ногтем пропущенные при переводе слова? Правда, есть поступки человека с некоторой долей автоматизма. Это рефлекс, привычка...

– Прежде всего, Степан Федорович, – перебил его полковник, – запомни одно: если бы враг никогда не ошибался, он был бы неуязвим.

– Это верно, – согласился Никитин. – Еще одна гипотеза: вы знаете, Сергей Васильевич, что в числе предметов, обнаруженных у Рубцова-Клюева, была коробка пленки чувствительностью 16 000 по Хертеру и Дрифилду, но никакой фотоаппаратуры агенту не пересылалось. Предположение первое: агент имеет малоформатную фотокамеру. Второе: высокая чувствительность пленки предполагает необходимость съемки на больших скоростях. Это значит: либо объекты съемки в движении, либо статичны объекты, но снимающий находится в движении, съемка происходит из окна поезда или автомашины, и наконец, третье: в маленьком городе, где большинство людей знают друг друга не только в лицо, но и в спину, внезапное появление человека с фотоаппаратом заставляет насторожиться, следовательно, агент, пользующийся аппаратом для своих тайных целей, чтобы не возбуждать подозрений, должен широко заниматься любительской фотографией.

– Гипотеза правильна, какой ты делаешь вывод для себя? – спросил полковник.

– Мне кажется, что если у меня будет фотоаппарат, мне будет легче завести широкое знакомство в среде фотолюбителей.

– Не возражаю. Камера у тебя есть?

– Нет, об этом я хотел просить вас.

– Я дам указание, завтра у Гаева ты можешь получить все необходимое. Или нет, зачем тебе лишний раз приезжать в Москву. Встречай электричку в 20.15, третий вагон, тебе передадут посылку. Ты был, Степан, у Горбунова?

– Мне кажется, Сергей Васильевич, что к секретарю горкома партии надо идти не с пустыми руками. А пока у нас только маленькие подозрения, да и то без определенного адреса.

– Профессиональное самолюбие! Смотри, Степан, не перегибни палку.

Полковник встал, они простились, и Никитин вышел из кабинета.

15. Две встречи

Трофим Фаддеевич мастерил рукоятку из пробки на короткое удилище для подледного лова. Стояло жаркое лето, открытое окно, несмотря на приближающийся вечер, не приносило прохлады, а Трофим Фаддеевич уже готовился к зиме, к подледному лову.

Жил он в небольшом деревянном доме, на холмистом берегу реки. При доме был дворик, засаженный желтой акацией и жасмином. Был когда-то Ступин совладельцем дома, потом стал квартирнанимателем, и все в районе Зеленой Горки знали этого чудаковатого старика, страстного рыболова-неудачника.

На одной стене его комнаты висели, точно холодное оружие в средневековом замке, спиннинги всех систем, удилища, сачки, багры и другие рыболовные снасти.

У другой стены, на этажерке в коробочках, были наборы крючков, лесок, поплавков, колокольчиков, грузил и всякой другой мелочи, а над этажеркой в темной овальной раме – большой портрет сына Вадика. Ниже несколько фотографий покойной жены и его самого, Ступина, в крахмальном стоячем воротнике, черном костюме, с орденом на груди.

Трофим Фаддеевич на электроплитке, в эмалированной кастрюле, варил пробку, добиваясь ее эластичности. Он то посматривал на часы, то заглядывал в справочник, то помешивал в кастрюле большой ложкой и был похож на алхимика, добывающего таинственный философский камень.

Вдруг в окне показался человек. Улыбаясь, он любезно спросил:

– Можно ненадолго потревожить хозяина?

Трофим Фаддеевич, узнав в позднем госте счетовода-инкассатора Гуляева, очень удивился его приходу, но все же пригласил зайти в комнату.

Гуляев вошел, держа в руке большой прямоугольный пакет, завернутый в газету. Усевшись на предложенный хозяином стул, он так же любезно сказал:

– Мы с вами, Трофим Фаддеевич, оба пожилые люди, незачем нам лукавить друг перед другом. Вырос я на Смоленщине, рыбачил я в верховье Днепра, Волги да Осьмы, но ваша рыбацья слава мне не дает покоя.

– Ну уж... Что уж вы... Какая там слава... – млея от удовольствия, скромничал Ступин.

– Не говорите, не говорите, уважаемый Трофим Фаддеевич, – запротестовал Гуляев, – слава, подлинная слава! О вас весь город знает, да что город – район! Москва о вас слышала!

– Ну уж, что уж вы... неужели Москва?! – слабо сопротивлялся Ступин.

– Москва! Уж я-то знаю. Сознаюсь, позавидовал я вам, Трофим Фаддеевич, решил: покажу я этому Ступину, где раки зимуют, куплю я снасти да и начну рыбачить... Купил. А как купил, начало меня одолевает сомнение: что за гордыня, думаю, зачем это тебе снасти пондобились, брось, отдай тому, для кого в этом заключается жизнь. Мучился я, мучился и вот решил: берите, уважаемый Трофим Фаддеевич, берите как дар вашему великому таланту!

С этими словами развернул Гуляев газету, и предстала перед Ступиным, сверкая полированными боками, шкатулка красного дерева, а в ней, словно слепящие солнца, – блесны, блесны и блесны.

Надо отдать справедливость: совершенно изнемогая от восторга, Ступин сопротивлялся, он отталкивал от себя шкатулку, совал в руки Гуляева деньги, но все-таки, обессиленный, сдался.

Шкатулку с набором блесен он получил в подарок. «Как жаль, что признание и слава приходят так поздно, – думал Ступин, – когда подагрическая боль в суставах не дает по ночам спать, а сердце отслужило и, подсчитав амортизацию, его можно уже списать».

Гуляев возвращался от знаменитого рыболова поздно. Жил он здесь же, на Зеленой Горке, вот уже десять лет, снимая у старушки Бодягиной мезонин ее покосившегося старенького дома.

Гуляев был в отличном настроении, он шел, тихо напевая себе под нос что-то по поводу цыпленка, который тоже хочет жить. Когда он поравнялся с домом, со скамейки поднялся человек и двинулся к нему навстречу.

Эта встреча была не очень приятна Гуляеву, однако он остановился и любезно протянул руку Саше Елагину.

Саша Елагин, водитель грузовой машины, в начале прошлого года демобилизовался, но успел влюбиться, женился и уже ждал ребенка. Проникаясь к жене чувством удивительной благодарности, он ухаживал за ней, трогательно оберегая ее от волнений и тяжелой работы, сам мыл пол и стирал белье. Был Саша человеком необычайной физической силы. Домкрат под машину он ставил так: руками поднимал машину, а кто-нибудь подставлял поднятый домкрат. Как большинство сильных людей, он был добродушен и прост, пил редко, да и то больше пиво, но пьянел быстро.

И сейчас Елагин был пьян. Широко расставив ноги, засунув руки в карманы брюк, он беззлобно, мягко попросил:

– Поговорить бы чуток, Сергей Иванович, а?

– Ну что ж, давай, Саша, потолкуем, – согласился Гуляев и, взяв его под руку, повел на берег реки, на пригорок, где стояла в тени старой липы одинокая скамейка.

По реке бежала лунная тропинка, где-то около берега, под ветвями ивы, скрипя уключинами, поднималась против течения лодка и в ней тихо, едва перебирая лады, баянист наигрывал: «Уж ты степь моя»...

Гуляев и Елагин сели на скамейку, помолчали.

– Ну, что у тебя, Саша? – нарушив молчание, спросил Гуляев.

– Не знаю, как и сказать, Сергей Иванович. Очень я вам обязан, хороший вы человек, душевный...

– Ты, Саша, будто сватать меня собираешься, все хвалишь да хвалишь. Либо денег занять хочешь? – с ухмылкой спросил Гуляев.

– Вы для меня, Сергей Иванович, что отец родной. Другой бы отец того для сына не сделал, что вы для меня сделали... – в голосе Елагина слышалась пьяная слеза умиления.

– Гляди, Саша, захвалишь меня, зазнаюсь, – все так же бросил Гуляев.

– Нет, Сергей Иванович, вы человек простой. Я с вами чуток поговорю, у меня на душе яснее становится. Варька-то моя на сносях, того и гляди, рожать будет... Ох и люблю я ее, Сергей Иванович, так люблю, что и слов у меня нет сказать это.

– А ты, Саша, помолчи. Гляди, красота какая.

Лодка выбралась на середину реки, девушка, сидевшая на веслах, перестала грести и, откинувшись назад, запрокинула руки за голову. Подхваченную течением лодку медленно сносило вниз, и звуки баяна становились все глуше, глуше и затихли совсем.

– Ты хотел мне что-то оказать, Саша? – напомнил ему Гуляев.

– Хотел, Сергей Иванович, да вот чуток задумался, – ответил Елагин, проводив глазами падающую звезду. – Был уговор меж нами, ну я его честь-по-чести выполнил. Теперь вы не то что любительские, по второму классу права получите.

– Ну? – после паузы спросил Гуляев. – Ты, Саша, все чего-то не договариваешь.

– Не знаю, как и сказать. Смелости у меня не хватает, – растерялся Елагин.

– Ну, ну, Саша, смелее!

– Не могу я, Сергей Иванович, машину вам давать. Поговорили бы вы с начгаром, он вас уважает, даст распоряжение и – порядок! Я, конечно, вам по гроб жизни обязан, да...

– Кишка тонка, так, что ли? – с усмешкой спросил старик.

– Ладно, – сказал Елагин, безнадежно махнув рукой, – ладно, что будет, то будет, – и, поднявшись, добавил: – Варька, поди, волнуется, поздно... Покойной вам ночи, – и широкой походкой, вразвалку, он быстро пошел в сторону города.

Гуляев постоял, посмотрел ему вслед.

В стороне города огромные корпуса завода сверкали электрическими огнями, дальше еще и еще, огни переливались, сливаясь на горизонте с ярким, звездным небом и полной луной.

16. Опять следы

В субботу утром, когда майор Никитин пришел в управление, Шура сказала ему, что полковник болен и сегодня на работе не будет.

Никитин прошел в свой кабинет. Он только что побывал на объектах и лишний раз убедился: материально-техническое обеспечение стройплощадок ведется из рук вон плохо!

С объектов Никитин проехал на центральный материальный склад, все внимательно осмотрел и пришел к выводу, что склад затоварен дефицитными, но не нужными стройке материалами и совершенно не обеспечен всем тем, что было необходимо строителям ОСУ.

Сделав для себя выписку остро необходимых материалов, Никитин положил ее в стол и вызвал к себе Вербова с картотекой МТО.

Вербов явился, как всегда, с дежурной улыбкой и, поставив на стол Никитина большой узкий ящик с картотекой, весело сказал:

– В нашей маленькой корзинке, что угодно для души...

– Для души, может быть, а для стройки нет, – сухо отозвался Никитин. – Я не понимаю вас, Евгений Николаевич. Зачем у нас на складе лежит сотня эмалированных ванн, тридцать пять кубов дубового паркета, полтонны обоев-мебельных гвоздей и многие другие материалы, в которых есть острая нужда на многих стройках и предприятиях страны; в то же время нет материалов, нужных нам.

– Плохо вы разбираетесь в материальном снабжении. Да я за этот паркет или ванны что хочешь наменяю! А вот когда у тебя на складе хоть шаром покати – ни черта не достанешь... – оправдывался Вербов.

– Я плохо разбираюсь в материальном снабжении, но то, что делаете вы, товарищ старший инженер, называется не снабжением, а несколько иначе... Давайте посмотрим картотеку! – закончил Никитин.

Вербов, вынув из ящика первую группу карточек, выкладывал их на столе перед майором и давал краткие пояснения. И тут Никитин увидел то, что заставило его насторожиться: многие цифры и названия материалов в картотеке были подчеркнуты ногтем!

Невольно взгляд его упал на холеные, белые с длинными ногтями руки Вербова. Нужно было проверить, сейчас же, не откладывая в долгий ящик.

Вынув из стола составленный им список необходимых материалов, он спокойно сказал:

– Вот, Евгений Николаевич, список материалов, в которых ощущается острый недостаток на наших стройках. Подчеркните все то, что, по-вашему, имеется у нас на центральном складе.

Вербов взял список и пробежал его глазами. Пользуясь этим, Никитин накрыл папкой лежащую на столе ручку. Прочитав список, Вербов оглядел стол в поисках ручки и, не найдя ее, попросил:

– Разрешите карандаш или ручку.

Никитин пощупал карманы кителя и, не обнаружив карандаша, сказал с досадой:

– Забыл карандаш на объекте, а вы, Евгений Николаевич, подчеркните ногтем!

– Я ногтями не заменяю канцелярские принадлежности. Сейчас, одну минуту! – сказал Вербов и вышел к себе в кабинет.

Никитин внутренне даже выругался. В отделе материально-технического обеспечения работали десятки людей, все они пользовались этой картотекой, но кто из них подчеркивал цифры ногтем?

17. Заказная бандероль

Кира Рожкова работала в экспедиции одного из почтовых отделений Москвы и училась на заочном отделении электромеханического института связи.

Эту девушку – маленькую, полненькую шатенку с легким пушком над верхней губой и созвездием ярких веснушек на носу – все работники отделения очень любили. Поэтому, когда с ней случилась беда, сослуживцы отнеслись к ней с большим участием.

В начале мая приказом по отделению Киру Рожкову повысили по службе – перевели из экспедиции на прием заказной корреспонденции. Товарищи по работе радовались вместе с Кирой, а на следующий день с ней произошла неприятность.

Подложив под себя несколько архивных дел, чтобы быть повыше, Кира принимала корреспонденцию. Пожилой гражданин в соломенной шляпе и очках передал ей международную заказную бандероль в адрес Германской Демократической Республики. Согласно существующим правилам, девушка развернула бандероль и тщательно проверила две книги, посылаемые бандеролью, – сборники статей о произведениях классиков марксизма-ленинизма, том первый и второй. Книги были новые, без всяких пометок в тексте.

Девушка завернула бандероль, перевязала ее бечевкой и положила на весы – бандероль весила пятьсот граммов. Кира посмотрела справочник – против этого веса стояла сумма почтового сбора, но над графой, где рубли, была жирная чернильная клякса. Кира, увидев ниже кляксы палочку, решила, что это четверка, и, получив с отправителя четыре рубля семьдесят копеек, выдала квитанцию и наклеила на бандероль марки.

Вечером помощник начальника отделения, проверяя международную корреспонденцию, обнаружил, что девушка ошиблась и переполучила с отправителя три рубля: бандероль стоила всего один рубль семьдесят копеек.

Почтовое отделение работало отлично, жалоб не было, и вдруг такой неприятный случай! Начальник отделения вызвал к себе Рожкову и сделал ей внушение.

Заказная бандероль была адресована в Германскую Демократическую Республику, в г. Берлин, район Вейсензее, Шпреенштрассе 17, квартира 3, Артуру Ридаль. Обратный адрес: г. Москва, Мерзляковский переулок, дом 8, квартира 5, Груздев Кирилл Андреевич.

Помощник начальника отделения написал Кириллу Андреевичу Груздеву открытку, в которой очень вежливо рассказал об ошибке Киры Рожковой и просил зайти в почтовое отделение получить три рубля.

Через несколько дней открытка вернулась обратно в почтовое отделение, а через весь текст размашистым крупным почерком было написано: *«Адресат не проживает»*.

Положение усложнилось. Пришлось три рубля как излишки оприходовать по статье сто тридцать второй в доход государства, а Киру Рожкову по докладной записке начальника, как ни хлопотали за нее сослуживцы, перевели в другое почтовое отделение.

Посылка давно ушла в адрес получателя, а Кира уже целый месяц работала в другом почтовом отделении на вокзальной площади. Девушка почти забыла всю эту историю с международной бандеролью, как вдруг произошло нечто невероятное.

– Следующий, – сказала девушка, протянув руку к окошечку, и увидела, что пожилой гражданин с усами в темных очках и соломенной шляпе передает ей международную заказную бандероль. Девушка прочитала адрес и не поверила собственным глазам: Германская Демократическая Республика, Берлин, район Вейсензее, Шпреенштрассе 17, квартира 3, Артуру Ридаль. Обратный адрес тот же и отправитель Кирилл Андреевич Груздев. Тот самый Груздев!

Кира обрадовалась ему, как родному:

– Товарищ Груздев, как хорошо, что я вас опять вижу. Вы знаете, я с вас переполучила три рубля! Мы вам писали на Мерзляковский переулок, но нам ответили, что вы там не проживаете. Бывают же такие путаники, а?! «Адресат не проживает» пишут они, а вы как жили там, на Мерзляковском, так и живете. Дайте, пожалуйста, товарищ Груздев, паспорт, я запишу вашу прописку и пожалуюсь на домоуправление. Достанется им на орехи! Сейчас я вам верну мой долг! – и девушка отвернулась от окошечка, стала рыться в своей сумке. Когда она нашла три рубля и протянула их отправителю – Груздева не оказалось.

Кира громко позвала его, но ей сказали, что пожилой мужчина в соломенной шляпе вышел из отделения. Тогда она выбежала на улицу... Груздева уже не было.

Девушка в раздумье вернулась на свое рабочее место, бандероль лежала у нее на столе, она развернула ее, в бандероле была одна книга: сборник статей о произведениях классиков марксизма-ленинизма, том третий.

Отложив в сторону бандероль, Кира принимала почту и весь день ждала, что вот сейчас зайдет Груздев, объяснит какой-нибудь очень простой, естественной причиной свое исчезновение и потребует квитанцию, но... Груздев не пришел.

Подозрение закралось в сознание девушки, она пошла к начальнику отделения и рассказала ему все.

Так этот томик статей о произведениях классиков марксизма-ленинизма оказался не в Берлине, на Шпреенштрассе, а в Москве, на столе у полковника Каширина.

В картонном корешке переплета была обнаружена микроплёнка, репродукция шифрованного текста, отпечатанного на машинке.

18. Личная жизнь

Вчера было много выпито, а сегодня ноющая боль в боку весь день не давала покоя. Шабров не пошел в управление, полдня лежал с грелкой, то забываясь коротким, беспокойным сном, то глядя бездумно на угол шкафа, по которому скользил узкий солнечный луч, проникавший через щель в ставне.

Сын Миша, босой, в одних трусиках, с лицом, перепачканным пенкой клубничного варенья, входил на цыпочках в спальню и шепотом спрашивал:

– Папа, ты спишь?

– Нет, – так же тихо отвечал Шабров.

– Болит?

– Болит...

И так же на цыпочках Миша выходил из спальни и бежал во двор, где в медном тазу на таганке булькало и кипело ароматное варенье.

Мария Сергеевна, в пестром ситцевом фартуке поверх платья и цветастой косынке, стояла с ложкой около тагана, то и дело снимая пенку и подкладывая чурки в огонь.

Жена Шаброва была преподавательницей литературы в старших классах женской средней школы. У нее была стройная фигура, длинные светло-русые волосы, собранные на затылке в тяжелый узел, серые глаза, немного вздернутый нос и полные яркие губы.

Когда зной стал спадать, а варенье уже остыло и было переложено в стеклянные банки и завязано марлей, Мария Сергеевна полила садик подле дома, накрыла круглый садовый стол и подала окрошку, стоявшую в ведре с холодной водой. Шабров вышел в сад, боль отпустила его, но во всем теле он ощущал предательскую слабость.

От земли поднималась испарина, пряный аромат розового шиповника смешивался с запахом горячей, истомленной земли.

Мишка, умытый, чистый, с ложкой в руке дожидался отца.

В окрошке, точно айсберг, плавал кусочек льда, а из-под изумрудной зелени укропа аппетитно выглядывал золотистый крутой желток.

– Ну, папа, садись, – торопил Мишка отца.

– Сейчас, только умоюсь, – ответил Шабров сыну и направился к ведру с холодной водой, где уже с черпаком в руке дожидалась Мария.

Умывшись здесь же возле грядки с укропом, громко фыркая, когда холодная вода попадала за рубашку, Шабров вытерся и, посвежевший, сел за стол.

– Петя, может быть, налить стопочку? – не сдерживая улыбку, сказала Мария грудным голосом приятного низкого тембра.

– Видал, Михайло? – обратился Шабров к сыну. – Добра наша мать, водочки предлагает. Ты как, будешь?

– Нет, – сказал важно Мишка и отрицательно помотал головой.

– Мужчины отказываются, – не без сожаления сказал Шабров и принялся за окрошку. Но на этом кратком диалоге Мария Сергеевна не собиралась исчерпать тему, волновавшую ее весь этот день.

– Знаешь, Петя, – продолжала она, – я, кажется, начинаю остро ненавидеть этого твоего Вербова!

– Почему? – не отрываясь от окрошки, спросил Шабров.

– Раньше я считала, что он просто пошляк и циник, относилась к нему с брезгливостью и только теперь начинаю убеждаться, что, кроме пошлости и цинизма, он обладает и еще одним качеством...

– Каким? – заинтересовавшись, спросил Шабров.

– Он нечистоплотен. Я не понимаю, Петр, тебя. Как ты, старый член партии, опытный инженер, наконец, полковник, – да, да, это очень ко многому обязывает, – как ты не видишь, что у тебя под носом орудует пройдоха, делец типа Подхалюзина! У него, наверное, и к рукам прилипает.

– Чепуха! – перебил Шабров жену и повторил: – Чепуха! Просто веселый парень, из тех, что с песней по жизни шагают.

– Не с песней, а с водкой, – поправила Мария.

– Водку продают, чтобы ее пили...

– Да ум не пропивали, – опять бросила Мария. Она была очень взволнована, но говорила как всегда, не повышая голоса, стараясь убедить собеседника простой логикой своего мышления.

– Наконец, – сказала она, – тебе, Петр, пить нельзя, у тебя больна печень, и если ты сам о себе не желаешь думать, подумай о сыне.

Мишка, покончив с тарелкой крошки, отправил в рот кусочек нарастаявшего льда, прищурился от удовольствия и стал наблюдать за большой зеленой стрекозой, которая сидела на розовом цветке шиповника.

Шабров отлично понимал, что Мария права, пить ему действительно нельзя, да и положение его в городе и на стройке обязывало ко многому, но, малодушно отодвигая от себя решение этого очень важного вопроса, он искренне обрадовался, увидев входящего в сад с большой банкой чайного гриба Гуляева.

– Привет, Мария Сергеевна! Привет! – шумно поздоровался Гуляев и поставил на стол банку.

– Это еще что такое? – спросила Мария.

– Это чайный гриб, а по-научному: палочки уксусно-кислого брожения. Чудесная вещь от изжоги, жажду утоляет, словом, необходим в домашнем хозяйстве.

– Мишка, ну-ка принеси стакан, отведаем палочек! – сказал Шабров сыну, и когда тот убежал в дом, громко шлепая босыми ногами, спросил: – Как там в управлении? Кирпич вывезли?

– Сергей Иванович, тарелку крошки не желаете? – предложила Мария.

– Спасибо, не откажусь, – ответил ей Гуляев и затем Шаброву: – Все в порядке, сегодня майор Никитин свирепствовал, такой навел страх на МТО, что они постарались: на всех объектах недельный план выполнен!

– Степан молодец, у него мертвая хватка. Он как вцепится, не отпустит, пока своего не добьется, – сказал Шабров.

– Пожалуйста, кушайте, – подавая на стол крошку, сказала Мария. – Я вас еще не благодарила, Сергей Иванович, за фотографии сына. Спасибо, очень хорошо!

– Их бы в альбомчик, и знаете, так через каждые полгода – год. Глядишь, вырос парень, а в альбоме его история, самому потом будет интересно, – расправляясь с крошкой, говорил Гуляев.

Мишка принес стакан. Шабров отведал чайного гриба, похвалил. Потом Гуляев сфотографировал всех у садового стола и, внезапно заторопившись, простился и ушел, а через некоторое время, нагруженный кулками, с шутками да прибаутками ввалился Вербов.

– Чтоб больной не превратился в мощи, ему лекарства нужны попроще! На, болящий, получай: чернослив, лимоны, мессинские апельсины, портвейн три семерки, лечись – не ленись! – выпалил он, расставляя на садовом столе кулки.

Сухо кивнув Вербову и захватив с собой сына, Мария Сергеевна ушла в дом.

Вербов заговорщически подмигнул Шаброву и сказал:

– Дуется за вчерашнее?! Жена, что крапива, кусает да жжет, да жить не дает. То ли дело я, бобыль, живу не тужу!

– Ты, бобыль, кирпич вывез? – с напускной строгостью спросил Шабров.

– Все двадцать пять тысяч, один в один, ни одной половинки, – ответил Вербов.

В это время у калитки в нерешительности остановился стройбатовец Павел Русых, молодой парень с едва пробивающимися, но уже чисто выбритыми усами, голубоглазый, веснушчатый, с упрямой, слегка вздернутой верхней губой и ямочкой на подбородке. Желая обратить на себя внимание полковника, он кашлянул в руку и громко поздоровался:

– Здравия желаю, товарищ полковник!

Шабров узнал Павла Русых и, приветливо с ним здороваясь, направился навстречу.

– Что скажешь, Русых? – спросил он.

– Товарищ полковник, вы мне разрешили, если что случится, обратиться к вам лично.

Полковник, подглядев умелые руки смышленного парня, решил «подбросить» его на выучку к вольнонаемной бригаде по укладке плитки и сказал, что, если что случится, обращаться прямо к нему. Сегодня была суббота, получив за успех в военной учебе и отличную работу на стройке увольнительную с вечера субботы и на воскресенье, Павел Русых побывал в парикмахерской, начистил сапоги до блеска и явился к полковнику.

– Пойдем в дом, поговорим, – сказал ему полковник и уже с порога Вербову: – Подожди, я сейчас. – Войдя в комнату, Шабров сказал жене:

– Машенька, ты там, пока я занят, поговори с Евгением Николаевичем.

– Я с ним поговорю! – многозначительно сказала Мария и вышла в сад.

– Ну, что у тебя, Русых? – спросил он солдата.

– Товарищ полковник, десять дней я работаю в бригаде по укладке плитки. Дело не мудрое, а работают они так, точно итальянские мастера скрипки, – те секрет лака берегли, эти от меня секретничают. Разрешите, товарищ полковник, я подберу из стройбата человек десять, мы эту бригаду через две недели с носом оставим, – горячо сказал Русых.

– Смело, очень смело, но стоит рискнуть. Не осрамишься? – улыбаясь, спросил полковник.

– Нет, товарищ полковник, не осрамимся! Поначалу, конечно, работать будем медленно, но даю слово: догоним и перегоним! – обещал Русых.

А в садике происходил другой разговор, и довольно острый:

– Вы зачем спаиваете мужа? – глядя прямо в глаза Вербова, спокойно спросила Мария, но так, что тому стало не по себе.

– Что вы, Мария Сергеевна! Ваш муж сильный, волевой человек, разве я имею на него какое-нибудь влияние? – изворачивался Вербов.

– Влияние? – переспросила Мария и тут же сама ответила: – Нет, влиять на Петра Михайловича вы не можете, но у каждого человека, даже сильного, есть свои маленькие слабости, а вы хотите маленькую слабость превратить в большую.

– А по-моему, вы сами, Мария Сергеевна, делаете из маленькой мухи большого слона...

– Не паясничайте! – перебила его Мария. – Давайте попробуем хоть раз говорить с вами серьезно. Вы тратите деньги и большие. Вот сейчас принесли эти фрукты, портвейн, зачем? Да потому, что вам это выгодно! Да, да, выгодно!! Какой-то смысл во всем этом есть, но какой...

– Мария Сергеевна, это нехорошо. Я очень люблю Петра Михайловича, его семью – и такое подозрение...

– А я очень люблю, когда отношения людей чисты и понятны, а вы весь какой-то... Вот Шуру, секретаря... Она же девочка, ей девятнадцать лет, а вы ее звали к себе в Москву, соблазняли веселой жизнью. Нас еще Макаренко предупреждал против упрощенного, бесстыдного цинизма. Вы и к делу своему относитесь цинично. Какой-то вы голый человек и наготы своей не стыдитесь.

– Вы хотите меня обидеть? – едва сдерживая себя, спросил Вербов.

– Нет, Евгений Николаевич, я не хочу вас обидеть, я не вникаю в ваши служебные взаимоотношения с мужем, только прошу вас – уйдите из нашей личной жизни. Вы уже много принесли нам неприятностей, поэтому просто, без трагедий, возьмите эти ваши кульки с вином и фруктами и уйдите, прошу вас! – спокойно, но очень твердо сказала Мария.

Вербов постоял мгновение, подумал и, махнув рукой, быстро вышел, хлопнув калиткой.

19. Письмо к жене

В субботу вечером Никитин особенно остро чувствовал свое одиночество. Выбрался он из управления поздно, на улицах было много празднично одетых, гуляющих людей. Одни торопились к вокзалу, чтобы провести этот вечер в Москве, другие шли в парк к реке или на стадион посмотреть легкоатлетические соревнования.

Стояла жаркая, сухая погода, отцветал тополь, легкий пух его цветения носился в воздухе, оседая на асфальте светло-серым пушистым ковром. Из сквера доносился одуряющий запах фиалок.

Никитин шел домой, охваченный непреодолимым желанием поговорить с Ксенией. По субботам он писал ей подробные письма, и они утоляли его тоску, скрашивали одиночество.

В большой трехкомнатной квартире главного инженера Ремизова, где на время его командировки поселился Никитин, было неуютно: большие комнаты, обставленные только самой необходимой мебелью, нагоняли тоску.

Никитин открыл окно. Перед ним была унылая перспектива крыш, и на горизонте за рекой темно-зеленая полоска леса тонула в предвечерней дымке. Он повернулся, подошел к столу, сел и достал бумагу. Затем поставил перед собой карточку Ксении, с которой она смотрела на него озорным, чуть прищуренным взглядом, и написал:

«Дорогая моя Ксения!

Сегодня почему-то вспомнил эпизод, рассказанный Станиславским в книге “Моя жизнь в искусстве”. Ты, Ксюша, наверное, помнишь: известный по тому времени режиссер Федотов с огромным увлечением описывал Станиславскому задуманную им постановку. Он называл свой творческий план задуманным, но на самом деле – Станиславский это отлично понимал – Федотов и сам еще толком не знал, что у него выйдет. Он фантазировал экспромтом, чтобы разжечь к творчеству собеседника и самого себя.

Ты не представляешь себе, Ксения, как это верно! Как важно видеть устремленные на тебя понимающие глаза, как важен творческий спор, в котором рождается истина, кристалл творческого замысла.

То, что зачастую видишь только внутренним взором, в творческом споре становится конкретным и материально осязаемым.

Я остро чувствую все это сейчас, когда тебя, моя дорогая, нет со мной, когда настоящий умный друг Сергей Васильевич недалеко от меня, но я лишен возможности видеться с ним часто.

Правда, есть тут в городе товарищ, которому можно довериться, это первый секретарь горкома партии Горбунов. Я много слышал о нем – интересный, глубокий человек, кандидат технических наук, а был простым волжским грузчиком. Пойти к такому человеку лишь с сомнением и догадками не хочется, он еще поднимет на смех.

Меня обуревают сомнения, а посоветоваться, даже просто поговорить, не с кем, и творческая мысль застывает в неподвижности, потому что творчество, как и любовь, требует поощрения.

Скучаю по тебе безумно. Каждый час, каждую минуту, когда я могу остаться наедине с моими мыслями, я с тобой, моя дорогая.

В этой большой, полупустой квартире особенно чувствуешь свое одиночество. Пиши мне, родная, пиши чаще, каждый день. Целую тебя,

твой Степан

А не приехать ли тебе ко мне готовиться к диссертации, а?»

Когда Никитин дописывал последние строки своего письма, совсем уже стемнело и он едва различал написанное. В потемневшем небе стояла полная луна, она смотрела безучастным взором прямо в окно, положив на пол комнаты серебряный половичок света.

Чтобы надписать на конверте адрес, пришлось включить электричество. Но, заклеив конверт, Степан выключил свет и долго сидел у окна, мысленно подводя итог сегодняшнего дня: «Кто же, Вербов? Нет, это стяжатель, деляга! Обыватель с буржуазными замашками! Может ли себя вести так враг?! Нет, не может. Враг не должен привлекать к себе внимания окружающей его среды».

Так в борьбе за существование многие животные приобретают сходство по цвету и даже по форме с окружающей их природой. У животных инстинкт приспособления – как результат естественного отбора. Приспособление у врага – сознательная маскировка. Чем бдительнее советские люди, в среду которых проник враг, тем больше враг приспосабливается, лжет и лукавит.

«А странная связь Вербова с Кармановой, конструктором номерного завода? – думал Никитин. – В то же время, если бы Вербов хотел использовать эту связь для каких-то тайных целей, зачем бы он хвастался этой связью? Пошло, а зачастую грубо говорил о своей победе?»

Так, рассуждая и споря с самим собой, долго сидел Никитин у раскрытого окна, и опять ему вспомнились напутственные слова Каширина:

«Будет трудно, помни – ты не один. Первый секретарь горкома партии Роман Тимофеевич Горбунов – человек умный, большого жизненного опыта. Будет трудно, иди к нему». И он решил пойти к Горбунову.

20. Секретарь горкома

Когда Никитин вошел в приемную, технический секретарь печатала на машинке. Она закончила страницу, вопросительно повернулась к посетителю, выслушала его и, записав в блокнот фамилию, с сомнением сказала:

– Не знаю, товарищ, примет ли вас Роман Тимофеевич, – в понедельник пленум, и он готовится к докладу. Разве что если очень важно...

– Очень важно, – подчеркнул Никитин.

– Попробую, – ответила она и, опустив шторную крышку, заперла бюро на ключ и вышла из приемной.

Никитин еще не успел оценить по достоинству осторожность секретаря, как его попросили к Горбунову.

Секретарь горкома поднялся к нему навстречу. Очень высокий, немного сутулый человек, на вид лет пятидесяти, с натруженными руками рабочего.

– Не торопитесь? – спросил он Никитина.

– Нет.

– Прошу, посидите тут у меня десяток минут, не больше, – сказал Горбунов и вернулся к своей рукописи. Говорил он приятным волжским говорком с ударением на «о».

Никитин осмотрелся. Большой, в пять окон, кабинет секретаря горкома скорее напоминал кабинет ученого: высокие стеллажи книг, стремянка, возле нее маленький столик с настольной лампой. На длинном полированном столе, на салфетках зеленого сукна лежали шестерни из пластмассы, детали машин, резцы из твердых сплавов, а посередине стола в низкой хрустальной вазе букет нежно-розового душистого горошка. На стенах, оклеенных темносиними гладкими обоями, висело два портрета, писанных маслом, – В. И. Ленина и Максима Горького – копия с работы Бродского, и несколько архитектурных проектов.

Никитин чуть подвинулся в кресле, взял с ближней полки четырнадцатый том сочинений Ленина, пересел за маленький стол, включил лампу и погрузился в чтение.

Прошло всего несколько минут, и Никитин услышал подле себя:

– Ну что, Степан Федорович, хотите разрешить свои сомнения при помощи железной логики ленинского мышления? – Он взял из рук Никитина книгу и, перелистав ее, продолжал: – Вы хотите знать, можно ли, идя по следам случая, оказаться на пути верного решения задачи; не так ли? Сейчас мы с вами потолкуем, – закончил он и, взяв с письменного стола лист рукописи, вышел в приемную, передал ее секретарю и вернулся.

– Ну вот. Начнем с того, что у меня к вам, Степан Федорович, есть некоторые претензии, – сказал Горбунов, усаживаясь против Никитина. – Вы что же, как Добрыня Никитич, один на один со Змием Горынычем решили биться? Не выйдет, Степан Федорович! Только опираясь на народ и вместе с народом можно решить поставленную перед вами задачу.

– Не оправдываюсь, Роман Тимофеевич, виноват, – улыбаясь, ответил Никитин.

– Ну, давайте, выкладывайте, что у вас там случилось?

– Попалась мне в руки ниточка, стал я ее распутывать, да, кажется, не за тот конец ухватился, – начал Никитин и рассказал всю историю с английской статьей из газеты «Дейли Экспресс». – Эта случайная черта, сделанная ногтем, – пока все, – закончил он.

– Немного, – согласился Горбунов, – но за случайностью, мне кажется, можно найти закономерную необходимость. Черта, сделанная ногтем. Я с вами согласен, это случайность, но какая необходимость кроется за этой случайностью? Мне кажется, что, обнаружив ошибку переводчика, человек может сказать: «Вот шляпа, а эти-то слова и не перевел, а еще переводчик, в газету лезет!» Может он так сказать? – спросил Горбунов.

– Может, – согласился Никитин, еще не совсем понимая собеседника.

– А если этот человек вынужден скрывать свои мысли, если он находится в окружении людей, но вокруг него создана им самим пустота и он привык пользоваться словом только для того, чтобы скрывать свои мысли, а не высказывать их вслух?

Начиная улавливать мысль, Никитин, как бы продолжая ее, сказал:

– Люди очень одинокие, нелюдимые часто говорят вслух сами с собой, пишут на бумаге или тростью на песке...

– А если человек не может ни сказать, ни написать, если всякая форма непосредственного общения для него исключена, может он подчеркнуть свою мысль ногтем?! Может. Стало быть, черту ногтем должен был сделать человек, поставленный в условия полного одиночества, не так ли?

– Закономерно.

– Подходит ли Вербов к числу подобных людей?

– Нет, не подходит. Вербов взял бы газету, показывал бы ее всем сотрудникам и хвастался бы своими знаниями английского языка, которые, кстати, у него, человека с высшим образованием, не вызывали бы никаких сомнений.

– Вот видите! Стало быть, и третий вывод: под вероятную категорию людей, которую мы с вами установили, Вербов не подходит. Но к нему мы еще с вами вернемся. Вражеского агента надо искать в числе людей, ведущих непроницаемо-замкнутую личную жизнь. Какие же могут быть внешние признаки такого человека? Помню, в 1915 году я был арестован царской охранкой в числе целой большевистской подпольной организации на Волжско-Камском пароходстве. Я был грузчиком, или крючником, как нас тогда называли, молодым восемнадцатилетним парнем, но как сейчас помню провокатора, провалившего нашу организацию. Когда человек неискренний стремится доказать свою преданность делу революции, своему партийному долгу, он теряет чувство меры, во всем хватается через край, бьет себя в грудь и кричит о своей преданности и кристальной чистоте. Именно таким и оказался провокатор в нашей организации. С тех пор, когда я слышу, как кто-то рекламирует свою честность, у меня в душе шевелится подозрение, а так ли это? Подлинная честность всегда идет рука об руку с человеческой скромностью. Присмотритесь, Степан Федорович, кто создает вокруг себя ореол непогрешимости и кристальной честности – берите его под сомнение и проверяйте.

– То, что вы говорите, Роман Тимофеевич, верно, но что, если вся линия поведения Вербова сознательная маскировка? – возразил Никитин.

– Вы ошибаетесь, Степан Федорович, враг не станет так опрометчиво рисковать. Не так давно был у меня секретарь парторганизации ОСУ. Сигналы снизу о неблагополучии в отделе материально-технического обеспечения мы уже получали неоднократно, особенно за последние два месяца, с тех пор как Вербов заменяет заболевшего начальника МТО. Кроме того, у меня была Мария Сергеевна Шаброва... Вы ее знаете?

– Знаю хорошо.

– Она прямо поставила вопрос... Пойдите, у меня есть ее письмо. – Горбунов взял из папки письмо Шабровой и прочел: – *«Я прежде всего член партии, кроме того, педагог. Как же я буду воспитывать нашу молодежь, если у себя под носом просмотрела ошибки близкого мне человека, отца моего ребенка. Чтобы оторвать мужа от Вербова, этого насквозь разложившегося человека, я использовала все средства убеждения, но ничего не могла сделать. Доверчивость мужа граничит с политической близорукостью...»* – Горбунов положил письмо в папку и спросил:

– Вы знаете Шаброва давно. Как вы думаете, что за отношения сложились у Шаброва с Вербовым?

Никитину трудно было говорить на эту тему. С Петром его связывала старая фронтовая дружба. У Шаброва, хорошего руководителя и отличного человека, был один недоста-

ток: любил он выпить. Раскусив слабость своего начальника, Вербов, как говорится, подобрал ключи к его сердцу и вошел в доверие.

Никитин очень сдержанно изложил свою точку зрения. Горбунов выслушал его, задумался и сказал после паузы:

– Какой моральной силой должна обладать женщина, чтобы написать такое письмо! Ведь она его любит, там так и написано.

– Знаю, – согласился Никитин. – В этом нет никаких противоречий. Мария борется не против мужа, а за мужа. И вот увидите, Роман Тимофеевич, он это поймет. Никаких конфликтов между ними не будет.

– Возможно. Поскорее заканчивайте вашу проверку Вербова, и мы займемся этим вопросом. И вообще, Степан Федорович, приходите. Помните, что бдительность – это оружие всего нашего народа, а вы только солдат его небольшого вооруженного отряда, – закончил Горбунов.

Никитин сердечно простился с Горбуновым и, выйдя из горкома партии, прошел на главную улицу – перед сном он всегда гулял, это вошло в привычку. К тому же встреча с секретарем горкома произвела на него сильное впечатление, хотелось мысленно вернуться к этому интересному разговору и продумать дальнейшие шаги.

Тротуар для пешеходов был огорожен, его заново покрывали асфальтом, но главная магистраль – здесь проходила автострада Москва – Симферополь – была просторна, а по обочинам стройным рядом тянулись молодые тополя.

Никитин медленно направился вдоль обочины автострады. Он шел и, увлеченный своими мыслями, не заметил, как столкнулся с счетоводом-инкассатором.

– Гуляете, Степан Федорович? – улыбаясь, спросил старик. Он был без шляпы, легкий ветерок лениво шевелил живописную копну его волос. Пиджак он держал сложенным на одной руке, а в другой у него был «фэдик» в потемневшем кожаном футляре.

– Гуляю, – охотно ответил Никитин и добавил: – Хотите составить компанию?

– С удовольствием.

Они пошли рядом, обходя молодые деревца каждый со своей стороны. Шли молча. Углубленный в свои мысли Никитин забыл было о своем попутчике, как вдруг почувствовал, что он один, обернулся и увидел Гуляева, остановившегося подле сломанного молодого деревца.

– Подержите мою камеру, – сказал старик, подавая подошедшему Никитину «фэдик».

Положив пиджак прямо на траву, Гуляев разорвал свой носовой платок, подобрал пару сухих веток, наложил их, точно лубки, на сломанный ствол и туго перевязал деревцо. У Гуляева были умелые, ловкие руки, он перевязывал деревцо и по-стариковски ворчал:

– Когда десять лет тому назад я приехал сюда, город был неприветливый, мрачный, под стать моему горю, а теперь... Поднялись новые, светлые дома, дороги оделись в асфальт, на площадях клумбы цветов, молодые тополя на улицах. Мне жалко это деревцо, как близкого человека.

Гуляев поднял свой пиджак, взял у Никитина «фэдик», и они направились вперед, вдоль обочины автострады.

Старик разошелся. Он говорил о городе и гражданском долге, о чистоте и целеустремленности нового человека, о творческой, созидательной направленности наших дней.

– Сергей Иванович, а у меня к вам есть просьба, – неожиданно сказал Никитин.

– Пожалуйста! Чем могу?

– Напрашиваюсь к вам в ученики по фотографии. Есть у меня хорошая камера «Киев», а снимаю я плохо...

– Так ведь и я, знаете... – пробовал возразить Гуляев.

– Ну, вашу работу я видел! Мне Шабров показывал – высший класс!!

– Что ж, давайте завтра, в парке, а? – предложил Гуляев.

– Согласен! Вот увидите, я ученик старательный. Когда встретимся и где? – спросил Никитин.

– Часов в десять, у фонтана.

– Договорились! – сказал Никитин и протянул руку. Простившись, они разошлись в разные стороны.

21. Выходной день

В воскресенье, как было условлено, в десять часов утра Гуляев и Никитин встретились в парке, у фонтана.

Когда-то здесь была заброшенная барская усадьба, а сейчас раскинулся большой тенистый парк. Аллеи парка, окаймленные подстриженными кустами жимолости, спускались террасами к реке. Вдоль аллеи двумя рядами росли старые тенистые липы, они чередовались с кленом и ландышевыми веточками электрических фонарей.

На маленьких лужайках, за прямоугольными клумбами ярко-красных пламенеющих пионов, стояли щедро выбеленные еще к маю скульптурные копии с классических работ Логановского, Пименова и Иванова.

Городской парк был излюбленным местом отдыха горожан. В это раннее праздничное утро гуляющих пока было мало.

В ярко-голубом небе медленно и величаво плыли редкие облака. С реки доносился звонкий говор и крик купающейся детворы.

Никитин в белых брюках и безрукавке, размахивая фотокамерой в кожаном футляре, шел с Гуляевым вниз, к реке, откуда слышался детский гомон. Около старой ивы с дуплистым, приземистым стволом они остановились.

Мелкая кружевная листва создавала чудесное обрамление для пейзажа. Перед ними открывалась широкая панорама реки, холмистых берегов, поросших корабельной сосной, водохранилища за перемычкой и водокачки.

– Давайте начнем с этого пейзажа? – предложил Никитин.

– Ну что ж, давайте, – согласился Гуляев, и они открыли футляры камер. – У вас есть светофильтр? – спросил он.

– Нет, а зачем он нужен?

– Видите облако? Оно так и просится в кадр, а без светофильтра не получится. Я дам вам свой. Только вам придется держать его руками, на ваш объектив он не подойдет.

Привинтив карманный штатив на спинку садовой скамейки, Никитин установил камеру и, выбрав кадр, навел на фокус.

– Проверьте, – попросил он Гуляева.

Гуляев посмотрел пейзаж через видоискатель его камеры и забраковал выбранный им кадр:

– Не подойдет, Степан Федорович, не годится.

– Почему? Чертовски красиво! – удивился Никитин.

– Не скрою, красиво, но у вас в кадре водокачка, а снимать водокачку нельзя, это запрещено. Возьмите кадр немного правее, а водокачку оставьте левее, за кадром, – предложил он.

Подошел еще один фотолюбитель с хорошей малоформатной камерой. Он поздоровался с Гуляевым и бесцеремонно вмешался в разговор:

– Плюньте! Снимайте, если красиво! Я лично с такими вещами не считаюсь. Вот смотрите, разве это плохо? – сказал он и вынул из кармана несколько фотографий пейзажа, где основной композиционной деталью был легкий железнодорожный мост.

– Вы, Андрей Николаевич, наживете себе беды с этими фотографиями. Ну на что вам нужен этот мост? Разве нет хорошей природы без него? – возражал Гуляев.

Андрей Николаевич оказался начальником пролета фрезерных станков на одном из номерных заводов. Это был мужчина лет пятидесяти, грузный, большой, с гладко выбритой головой и франтовато закрученными вверх усами, в узбекской тюбетейке, чесучовом кителе и таких же брюках.

– Плевать! Я фотографией, как вы знаете, Сергей Иванович, занимаюсь не первый год и никогда не имел неприятностей. Вот вы зайдите ко мне, – сказал он, обращаясь к Никитину, – я вам покажу кое-что...

– С удовольствием! – поблагодарил Никитин. – А на водокачке я не настаиваю. Сколько выдержки? – спросил он Гуляева.

– Одна двухсотая. А вы снимайте кадр девять раз, с тремя разными выдержками и тремя диафрагмами, так вам потом будет понятнее, и записывайте экспозицию, – предложил Гуляев.

– Новичок? – спросил Андрей Николаевич.

– Мой учитель, – указывая на Гуляева, ответил Никитин и, вынув блокнот, записал экспозицию.

Дальше они втроем пошли вместе. На одной из аллей, в глубокой тенистой нише подле кустов жимолости, на садовой скамейке сидела парочка: она – в пестрой газовой косынке и яркой блузке – и солдат в начищенных сапогах. Увлеченные разговором, они не заметили, как Андрей Николаевич, открыв камеру, нацелился на них объективом.

– Тихо, не спугните! Вот это кадр, – зашептал он, и Никитин было присоединился к нему, как вдруг узнал в парочке секретаря Шуру и стройбатовца Павла Русых.

– Не стоит, пойдемте к реке, – сказал он Андрею Николаевичу, но тот уже успел щелкнуть затвором.

Сделав умышленно крюк и обойдя парочку другой аллеей, чтобы не смущать девушку, все трое отправились к реке.

Там Никитин с большим увлечением отснял всю катушку. Расставшись с Андреем Николаевичем, который решил купаться, они поднялись по аллеям парка к выходу. Гуляев предложил:

– Давайте вашу кассету, Степан Федорович, я вам ее проявлю.

– Ну нет, – категорически отказался Никитин. – Что это за учеба, если я буду только щелкать, а вы будете проявлять пленку?! Так не пойдет, учиться так учиться! Разрешите, я к вам приду, и мы вместе проявим, а?

Гуляев очень неохотно согласился, дал свой адрес, и они разошлись в разные стороны.

22. На мезонине

Когда Никитин добрался до дома № 23 по Вольной улице, был десятый час вечера. В маленьком окне мезонина, выходящем на узкий край крыши, сквозь щель ставни пробивался свет. За дверью было слышно мерное стрекотание швейной машины. Никитин постучал в дверь, шум затих, послышались шаркающие, тихие шаги.

Дверь открылась на ширину цепочки, кто-то выглянул в узкую щель и удивленно спросил:

– Кто там?

– Простите, что так поздно, я к Сергею Ивановичу, можно? – спросил Никитин.

Дверь захлопнули и затем уже открыли настежь. На пороге стояла Бодягина, старушка, еще не осознавшая своего возраста, в папильотках из газетной бумаги, с покрашенными ресницами и губами, в халате из темной ткани в крупных белых хризантемах. Она стояла в дверях, кокетливо закрывая шею легкой косынкой, и бесцеремонно рассматривала Никитина.

– Вы сказали, что вам нужен Сергей Иванович? – удивленно переспросила она.

– Сергея Ивановича Гуляева, – еле сдерживая улыбку, повторил Никитин.

– Пожалуйста, пройдите, – пригласила она церемонным жестом, и когда Никитин вошел в темный коридор, то услышал, как хозяйка, закрыв входную дверь на засов, накинула цепочку и прошла вперед. Идя на свет, спотыкаясь и шаря руками по стене, Никитин вошел в комнату.

Из комнаты вела узкая деревянная лестница на мезонин, в правом, красном углу перед потемневшими иконами старинного письма теплилась лампада. Самая разнообразная мебель в количестве, достаточном для того, чтобы обставить пятикомнатную квартиру, загромождала всю комнату. На полу валялись лоскуты и обрывки цветной бумаги. Большое количество бумажных цветов, сделанных, как видно, на продажу, лежало на кровати, укрытой старинным, порванным во многих местах кружевным покрывалом.

Набросив на волосы косынку, хозяйка, жеманно извинившись за беспорядок, сказала:

– У Сергея Ивановича редко бывают гости, – и, постучав черенком половой щетки в потолок, добавила, – он сейчас выйдет.

Дверь наверху открылась, и Гуляев пригласил Никитина подняться к себе.

Если первое, что бросалось в глаза в комнате Бодягиной, было излишество мебели, то здесь наверху вызвала недоумение скупость меблировки: стол, два стула, узкая железная кровать, крытая хлопчатобумажным одеялом, и тумбочка. Над столом висела лампа под эмалированным коническим абажуром, на столе лежала толстая книга, которую, очевидно, читал до его прихода Гуляев.

– Говоря по правде, я не приглашаю к себе гостей, как видите, живу небогато, но уж вы меня извините, сами напросились, садитесь, – предложил хозяин, подставляя к столу полумягкий стул с облесшей обивкой и торчащими из нее кусками морской травы.

– Ничего, – успокоил его Никитин, – я ведь не гость, пожалуйста, не стесняйтесь, – и спросил: – Разве вам ОСУ не могло дать комнату в центре, с удобствами?

– Признаться, не обращался. В сорок втором я приехал со Смоленщины, пережив такое несчастье, что мне было все равно, лишь бы крыша над головой, а потом привык, – глухо сказал он и отвернулся.

Никитин слышал полную драматизма историю Сергея Ивановича – кажется, Шура рассказывала ее как-то вечером.

Сергей Иванович потерял свою семью зимой сорок второго года. Гитлеровские каратели нагрянули на село Всесвяты в четыре часа утра, когда еще все спали, согнали всех жителей в маленькую деревянную церковь на крутом берегу Сожи, забили окна и двери досками, облили керосином и зажгли. В числе жителей деревни погибли жена Гуляева и двое его детей; ему

чудом удалось спастись, спрятавшись в погребе своего дома, который тоже, как и всю деревню, каратели разорили и сожгли дотла.

– Ну, ладно, вспоминать мало радости. Пленку принесли? – спросил он, доставая из тумбочки бутылку с проявителем и пластмассовый круглый бачок.

– Принес, вот она, – ответил Никитин и положил на стол кассету.

– Прошу подождать, я сейчас принесу ведро с водой, – предупредил Гуляев и спустился вниз.

Никитин еще раз осмотрелся и взял со стола раскрытую книгу, положенную корешком вверх. Это была «Анна Каренина» Льва Толстого, на первой странице стоял штамп городской библиотеки. Гуляев остановился на волнующем месте, когда Каренин, приехав в Петербург по телеграмме жены, узнает от Капитоныча о благополучных родах Анны и ясно осознает, что страстно желал ее смерти.

Просматривая книгу, Никитин вдруг увидел, что внизу, на четырехста пятой странице, под строкой: «...боком к спинке на низком стуле сидел Вронский и, закрыв...», была резкая черта, сделанная ногтем! Очевидно, когда раздался стук в пол его комнаты, Гуляев читал страницу на этом месте и, отложив книгу, чтобы не забыть, подчеркнул это место ногтем. Но книга была библиотечной. Кто подчеркнул это место ногтем: Гуляев или кто-то другой? Эти мысли толпились в голове Никитина.

– Вот и вода! – шумно поставив ведро на пол, сказал Гуляев и, заметив книгу в руках Никитина, добавил: – Третий раз читаю «Анну Каренину» и каждый раз нахожу в этой книге много таких мест, которые читаю как первый раз в жизни.

– Хорошая книга, – согласился Никитин. – С одним не согласен, Сергей Иванович: зачем вы портите такую книгу, да еще библиотечный экземпляр.

– Чем же это я порчу? – удивился Гуляев.

– Подчеркиваете ногтем, где остановились. Это уродует страницы, – сказал Никитин, ощущая знакомое, тщательно сдерживаемое волнение.

– Только и всего? – засмеялся Гуляев. – Такая у меня привычка, я даже сам не замечаю, как это у меня получается, – сказал он и начал фильтровать проявитель, переливая его из бутылки прямо в бачок проявления.

Целый час просидел у Гуляева Никитин. Пленка была проявлена, негатив оказался неплохим, много живых детских кадров и пейзажей похвалил «учитель», и только в двенадцатом часу ночи Никитин ушел.

«Если вокруг него пустота, если речь его скрывает мысли, – думая о Гуляеве, вспоминал Никитин слова секретаря горкома, – если он сам создает вокруг себя ореол непогрешимости и кристальной чистоты – берите его под сомнение и проверяйте!»

Который раз Никитин мысленно возвращался к беседе с Романом Тимофеевичем Горбуновым. Только большой жизненный опыт этого человека, страстность суждений, острое оружие метода диалектического анализа позволили Горбунову сделать такие глубокие и верные выводы.

Даже если бы не было этой черты, сделанной ногтем в томике Толстого, даже тогда, только по тем предпосылкам, которые ему дал Роман Тимофеевич, следовало тщательно проверить Гуляева.

Завтра вечером у него будет встреча с полковником, стало быть, надо было максимально использовать утро, чтобы проверить свои подозрения.

23. Ниточка тянется

В течение дня Никитину удалось узнать многое, а главное: Гуляев, будучи членом ревизионной комиссии, или, как называли здесь, «дознавателем» по проверке материального склада, сличал картотеку МТО с актом наличных остатков.

Когда Никитин в материалах ревизии разыскал акт по остаткам центрального склада и сам сличил с материальной картотекой МТО, то убедился, что в карточках были подчеркнуты ногтем те цифровые наличности, которые не сходились с актом фактических остатков.

Было ясно: черта ногтем в статье из газеты «Дейли Экспресс» сделана Гуляевым.

Никитин приоткрыл дверь и заглянул в приемную: посетителей не было. Пользуясь этим, Шура повторяла курс экономической географии. Она осенью решила поступить в институт и готовилась к экзаменам.

– Шура, зайдите ко мне, – негромко позвал ее Никитин.

Девушка живо вошла в кабинет и села на предложенный ей стул, Никитин спросил ее:

– Скажите, Шура, если я задам вам несколько вопросов, могу я рассчитывать на сохранение в тайне нашего разговора, тем более что эти вопросы имеют большое государственное значение?

– Я вообще не болтлива, Степан Федорович, а тем более, если это нужно. Даю вам честное комсомольское слово! – очень серьезно сказала девушка.

– Помните, Шура, вы мне рассказывали, что Гуляев носил томик Марка Твена в школу к преподавательнице английского языка для перевода автографа капитана Бартлета?

– Да, помню, вы меня спрашивали, не может ли кто-нибудь у нас в ОСУ перевести с английского.

– Совершенно верно, у вас отличная память, – похвалил Никитин девушку. – Вы не можете вспомнить, Гуляев, взяв этот томик Марка Твена, вернул его вскоре, через час-полтора или на следующий день?

– Он взял книгу с собой после конца занятий в управлении и принес ее утром на следующий день, сказав, что почерк неразборчив и учительница не смогла прочесть эту надпись, – ответила девушка.

– Так, спасибо, Шура. Еще один вопрос: вам доверяют личные дела сотрудников?

– Да, все приказы я сама вкладываю в личные дела работников управления.

– Очень хорошо! Прошу вас, Шура, возьмите личное дело Гуляева и покажите мне. В отделе старайтесь не обращать на себя внимание. Гуляев сейчас в банке?

– Да, он оформляет перечисление денег.

– Вот и хорошо, идите, я вас жду.

Девушка быстро вышла и уже через несколько минут вернулась с личным делом Гуляева.

– На всякий случай, Шура, напечатайте выписку из приказа о премировании Гуляева и вложите ее в личное дело, – распорядился Никитин.

Девушка вышла из кабинета, а Никитин с большим интересом раскрыл папку и прочел автобиографию Гуляева:

«Я, Сергей Иванович Гуляев, родился в 1895 году в селе Всесвяты Смоленской губернии, в семье крестьянина-бедняка. Мой отец Иван Акимович Гуляев долгое время батрачил у богатых хозяев и только после Октябрьской революции работал на своей земле, а потом в колхозе “Красный пахарь”; умер в 1932 году от брюшного тифа. Я кончил приходскую четырехклассную школу, помогал отцу, а в 1915 году был призван на действительную службу в царскую армию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.